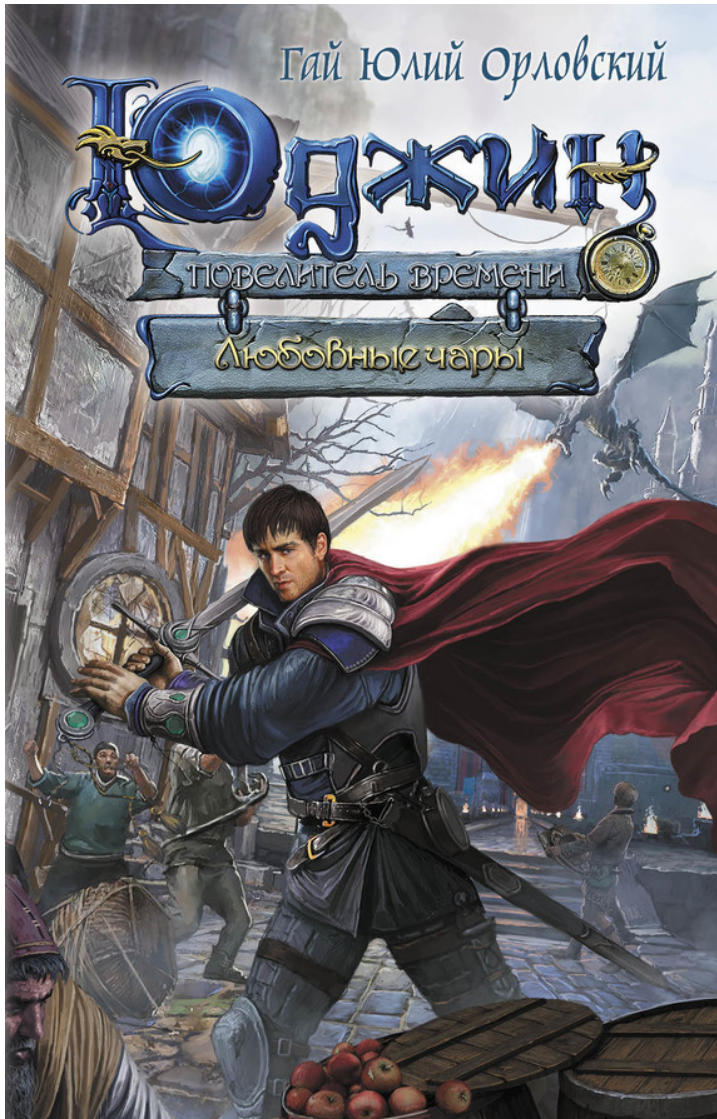

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Любовные чары

Гай Юлий Орловский
Любовные чары
Серия «Юджин – повелитель
времени», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282896

*Юджин – повелитель времени. Книга 5. Любовные чары :
[фантастический роман] / Гай Юлий Орловский: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81084-0*

Аннотация

«Ну тупые они, тупые!.. Глерды, бароны, герцоги, даже короли. А вот я весь в белом, да еще и колдовать подучился...»

Но это проклятое превосходство, кроме понятных и ожидаемых радостей, почему-то переполняет тягостным чувством, дескать, если можешь больше, то и обязан... чего-то там больше. А глерд Юджин, как и все, очень уж не любит отвечать даже по мелочам.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	98
Глава 10	109
Глава 11	122
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Гай Юлий Орловский

Любовные чары

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*** * ***

Часть первая

Глава 1

Во дворе перед главным зданием дворца музыканты в праздничных одеждах играют бравурно-бодрое, три пары придворных церемонно вытанцовывают, как журавли в свадебно-ритуальном, все мирно и светло, никакого предчувствия близкой войны.

Справа и слева у двери башни Рундельштотта двое королевских гвардейцев в красных мундирах поверх кирас, при моем приближении подтянулись, крепче стиснули украшенные золотом древки копий.

– Спокойно, ребята, – сказал я, – свои.

Один ответил почтительно:

– Глерд Улучшатель, вам все открыто. Нам сообщили.

– И не только сюда открыто, – сообщил я скромно. – Но обойдемся без подробностей. Остальное додумывайте...

Один распахнул передо мной дверь, но второй зыркнул поверх моей головы и вскрикнул испуганно:

– Дракон!

Я развернулся, высоко в оранжевом небе парит зеленый, как лягушка-квакша, дракон с широко распахнутыми крыльями. Я бы, увидев без подсказки, решил бы, что ястреб

или коршун с такой странной расцветкой, но оба стражника смотрят с ужасом, хотя дракон на таком расстоянии страшным не смотрится: худой, с тонкими костями и непропорционально огромными крыльями, вынужденными держать немалый вес в воздухе.

– Это нарушение, – сказал я сквозь зубы, – наших священных воздушных границ! Надо заявить решительный протест.

Они продолжали смотреть как завороченные в небо, а я убежал в башню и понесся по винтовой лестнице.

Фицрой резко обернулся на треск распахнувшейся двери, ладонь метнулась к рукояти меча. Рундельштотт испуганно вскинул голову, оба мирно наслаждаются жареным мясом с только что испеченным душистым хлебом, запивают вином.

– Тревога! – крикнул я. – Неопознанный дракон в небе!.. Фицрой, хватай мешок и бегом за мной.

Фицрой вскочил, вскрикнул ликующе:

– Вот это жизнь!

Рундельштотт не успел раскрыть рот, я выбежал, до крыши не так уж далеко, два-три оборота на винтовой, это примерно два-три лестничных пролета.

Фицрой догнал с мешком в руках, я как раз поднимал крышку люка, он вслед за мной выбрался на обзорную площадку.

– Взял, – заверил он и добавил, глядя невинными глазами, – правда, свой мешок. У меня там еще вино осталось...

а на Рундельштотта оставлять нельзя, я ему не доверяю.

– Свинья, – сказал я. – Не превратит он твоё вино в воду, не превратит!

Он развязал мешок, я быстро вытащил и собрал винтовку, тяжелую и громоздкую, вот бы ещё её научиться создавать, но это уже вряд ли, слишком сложно.

Фицрой следил взглядом за драконом в оранжевом небе.

– В городе теплее, – определил он, – потому эта тварь на восходящих ходит... Даже крыльями не шевелит, скотина ленивая!

– Сейчас зашевелит, – пообещал я. – И крыльями, и лапами.

Он с жадным интересом смотрел, как я щелкнул коробкой с патронами и начал ловить дракона в прицел. Тот в самом деле неподвижно висит в небе, идеальная цель, но руки мои подрагивают, снайперская винтовка тяжелее связки утюгов.

Фицрой всё понял, подставил спину.

– Обопрись.

– Хорошая идея, – сказал я с облегчением. – А я думал, ты только красивый.

– Ещё и нарядный, – напомнил он.

– Теперь не дыши, – велел я.

Он не ответил, дыхание задержал, чтоб не шевелиться, а я поймал в прицел фигурку с растопыренными крыльями и легонько нажал на спуск.

Дракон парит как ни в чём не бывало, я тут же повторил

выстрел, а потом еще выстрелил дважды, но только после третьего дракон дернулся и начал косо уходить в сторону.

Я выстрелил еще и еще, дракон задергался и, часто взмахивая крыльями, как пытающаяся лететь худая курица, пошел в сторону леса. Крылья от чрезмерных усилий начали заламываться, мне даже почудилось, что в левом то ли перебита кость, то ли переломилась от перегрузки.

Фицрой прошептал:

– Ты его ранил!

Я снял с его спины винтовку, он расправил плечи, посмотрел на меня, потом вслед улетающему дракону.

– Нет у меня зээрка, – сказал я мстительно, – этого крылатого гада разнесло бы, всем на потеху, так, что собаки за кишки дрались бы по всему городу!

– А сколько алмазной чешуи бы посыпалось, – добавил Фицрой. – Хотя это не боевой дракон, те покрыты с головы до ног, но у таких тоже есть на ногах, как у петухов и кур.

Я сложил винтовку, убрал в мешок и сунул ему в руки.

– Возвращайся допивать, но не увлекайся. Тебе еще своих ледей посещать, а то обидятся.

– Я вольная птица, – заявил он гордо. – Это ты не попадись.

Пока спускались, он рассказывал, какие у него наметки насчет глердесс, потом двинулся в покои Рундельштотта, а я сбежал вниз, где гвардейцы встретили меня восторженными воплями.

– Глерд! Это вы... заявили протест?

– Как он драпал, как он драпал!

Я ответил скромно:

– В следующий раз крылья оборву. Как мухе. Вы мухам крылья в детстве обрывали? Нет? А как же стали профессиональными военными... В общем, нечего ему тут как у себя. Если что, зовите. Не будут крылья черные над родиной летать.

Они выпрямились, глядя мимо меня, в нашу сторону спешит Мяффнер, очень взволнованный, обеспокоенный и отдувающийся после быстрого шага.

Моя снайперская в мешке, а мешок у Фицроя, так что Мяффнер сперва посмотрел на мои свободные руки, потом взгляделся в мое лицо.

– Вам удалось... его отогнать? Или он сам улетел?

– Не смеют крылья черные над родиной летать, – повторил я. – Если драконы в самом деле огромная ценность, то больше здесь не покажутся. Как мне кажется, по моему скромному мнению.

Он чуть наклонил голову, одновременно делая с таким изяществом жест в сторону главного корпуса, словно это приглашение, а не приказ лорда-канцлера.

– Глерд...

– Я только что оттуда, – ответил я и добавил многозначительно, – от королевы.

– Знаю, – сказал он, – однако ситуация не позволяет. Ско-

рее требует. И очень даже, хотя и не. Я доступно излагаю?

– Весьма, – заверил я с восторгом. – Обожаю язык дипломатии и учусь ему со всем рвением души и фибров.

Пока спешили в главный корпус, а потом по залам, к нам, как металлические опилки, тянулись прогуливающиеся в залах придворные, о драконе еще ничего не слышали, даже издали сворачивают, чтобы попасться по дороге и поклониться, свидетельствуя что-то такое им нужное или ритуальное.

Мяффнер почти никому не отвечает даже милостивым наклоном головы, а я тем более смотрю вперед бесстыжими глазами простолюдина и демократа.

Так вошли в здание, Мяффнер сказал непривычно строго, не сбавляя шага и не поворачивая головы:

– Глерд, дело гораздо серьезнее, чем мы полагали!

– Да уж вижу, – буркнул я.

Он не удержался, на ходу всплеснул ручками, превращаясь в прежнего Мяффнера.

– Вы даже и не представляете!.. Если бы дракон из Уламрии, то это еще было бы понятно, но на нем упряжь с гербом Опалоссы! Наши часовые рассмотрели отчетливо!

– Хорошее зрение, – одобрил я.

Он кивнул.

– В часовые на башни отбирают только таких.

– И что это значит? – спросил я. – Что дракон не из Уламрии?

– Есть предположение, – сказал он с испугом, – что ко-

ролевство Опалосса тайно помогает Уламрии!.. Раньше это казалось немыслимо в силу ряда очевидных и не совсем очевидных причин, но теперь, когда этот дракон... Может быть, у них даже договор подписан о совместных действиях?.. У Опалоссы и Уламрии? Тогда мы пропали!.. Это два сильнейших королевства!.. Обычно они враждовали, но сейчас уж и не знаю, что на них нашло...

Он указал на ступени широкой лестницы, но я остановился, покачал головой.

– Глерд канцлер, мне нужно в королевскую библиотеку. Если вас не очень затруднит, скажите коротко, в чем проблема?.. Я же человек простой, простодушный, извините мою безманерность... В самой Уламрии проблема или в возможности ее союза с недавним противником?

– В возможности союза, – ответил он кисло. Моя безманерность, которую я мог бы назвать и хлеще, явно не понравилась, но дело ставит выше амбиций, пояснил: – Уламрия не сильнее нашего королевства, но воинственнее. И люди там такие, и король... А вот Опалосса в самом деле сильнее.

– В смысле, крупнее?

Он посмотрел на меня чуточку удивленно.

– Ну да, а как еще?.. В полтора раза крупнее. Если они заключат союз...

– Если собака и кошка заключают союз, – сказал я, – то он будет направлен против повара. Какие у них силы?

Он посмотрел с сомнением, на лице отчетливо видна

борьба. К нам начали прислушиваться, а некоторые придворные, вроде невзначай и ох как занятые разговором, стали приближаться, я видел, как их уши удлинняются вдвое, а у самых продвинутых вчетверо.

Мяффнер поморщился, ухватил меня за локоть и почти силой отвел в сторону от лестницы.

– Простите, глерд канцлер, – сказал я вежливо, – мне нужно в библиотеку. Королевскую! Хотя, догадываюсь, других в стране вообще-то и нет.

Он сказал рассерженно:

– Вам кажется, что я что-то скрываю?

– Простите мою неучтивость...

Он отмахнулся.

– По молодости всегда всех подозревают. Я могу сразу же перечислить вам все их войска и даже отдельные отряды, кто чем командует... но есть и такие тайны, о которых мы только слышали... но не больше.

– Какие? – спросил я. – Обожаю тайны. Чужие, конечно.

Он посмотрел несколько беспомощно.

– Чародеи. Колдуны. Маги.

Я сказал с чувством:

– На месте королей я бы их всех истребил. Во всех королевствах. Все мы боремся за понятный и предсказуемый мир, а с ними то и дело хаос... Но дракон точно указывает на их мерзкий союз? Может быть, у Опалоссы свои планы?

– Какие? – ответил он безнадежным тоном. – Вторгнуться

самим?.. Но Уламрия путь перегораживает полностью.

– Наблюдение с дракона, – напомнил я, – еще не объявление войны. Дракон, как я понял, не нападающий. Он и свою жопу едва носит, куда уж перевозить войска... или горы камней.

Он посмотрел на меня пристально.

– Вы и это поняли?

– Законы воздухоплавания, – ответил я скромно, – если, конечно, дракон подчиняется физическим законам, а не какой-то черной магии, что идет явно от черной энергии...

Он кивнул.

– Кое в чем верно. Приказ о наблюдении с дракона могли отдать давно. Это не так просто, глерд Юджин! Драконы все-таки животные тяжелые, потому на долгие перелеты не способны.

– Да, – сказал я скромно, – я заметил.

– Чтобы мы могли увидеть над столицей, этого могучего зверя перегоняли сюда несколько недель. И вернется не в Опалоссу, как вы наверняка подумали...

– Подумал, – признался я.

– Где-то поблизости, – пояснил он, – у него временное убежище. А уже оттуда могут забрать... и скажу честно, хороший конь пройдет за сутки сотню миль, а дракон не больше чем сто пятьдесят, потом ему нужен отдых.

– Не впечатляет, – согласился я.

– Но жрет много, – сказал он, – ухода требует особого...

В общем, человек на драконе расположил его где-то в лесу сравнительно недалеко от города.

Я сказал быстро:

– Искать животное не пойду.

– Я просто информирую вас, – сказал он поспешно. – Вы, как Улучшатель, должны знать как можно больше, вдруг где-то что-то улучшите на пользу ее величеству и королевству?

Я прервал:

– Спасибо, глерд канцлер. Поспешу в библиотеку, пока королева не передумала. Я тоже стараюсь узнать как можно больше для пользы ее величества, хотя и говорят, что во многих знаниях много горя.

– Успеха, – сказал он кисло, – надеюсь, отыщете что-то для защиты королевства.

«Щас, – подумал я, но улыбнулся и вежливо поклонился, – Только и мечтал спасти эти ваши Нижние Долины».

Глава 2

Итак, в королевской библиотеке множество старинных манускриптов, где есть шанс отыскать нечто о Зеркале Древних Королей, но не той кустарной поделке, которой пользуюсь сейчас, да и то тайком, будто ворую, а еще она жрет энергию, как электрическая свинья размером с гору, но открывает портал только в одно место.

Вот бы нащупать следы того, настоящего, элегантного, что в любой момент в любое место по щелчку пальцев...

Мимо плывет, словно пава, министерски важный и сановитый слуга, я грубо ухватил его за плечо, с ними нужно без церемоний, иначе не приучить кланяться.

– Эй, морда!.. Как пройти в библиотеку?

Он замер, глядя выпученными глазами, как-то даже ошалел от такого простого вопроса.

– Библиотеку?.. Библи... отеку?

– В чем дело? – потребовал я. – Сейчас что, полночь, а я тебя встретил в темном переулке?

Он промямлил:

– Библио... тека... она там...

– Где?

– Дальше, – проговорил он. – Это старшие знают, я туда не допущен пока ввиду малости звания и веса.

– Ладно, – сказал я, – живи пока. В другой раз сразу в жа-

бу...

Оглядевшись, я увидел еще одного, тот постарше и еще солиднее, но молодится так, что почти в детских штанишках, я рыкнул и поманил его пальцем.

– Парнишка, – сказал я властно, – где библиотека?

– Библио... библиотека?

– Я что, – спросил я, – заикаюсь?

Он торопливо повернулся влево, вытянул руки.

– Ее величество, когда однажды изволила посетить, шла вон в ту сторону... но слуги с нею не ходят!

– Гм, – сказал я, – ладно, живи. Какие вы все здесь неначитанные.

Он поклонился и удалился как можно поспешнее, но не теряя достоинства слуги первого ранга.

Потоптавшись на месте, я наконец увидел вдали начальника охраны дворца, идет в мою сторону, сердито выговаривая Терминусу, своему помощнику.

Терминус кивает, тяжело вздыхает и так виновато разводит руками, словно вот-вот кого-то схватит.

– Руперт! – заорал я. – Глерд Картер!.. На ловца и зверь... Хотя я не ловец, но вы еще тот зверюга. Смотрю, и страшно становится. Но все равно вы кстати. Я тут малость одурел, пытаюсь объяснить простые и непонятные вещи.

Он посмотрел на меня исподлобья и с некоторой опаской.

– Глерд?

– Вы меня поймете, – объяснил я, – вижу по вашему лицу,

полному интеллектуальной мощи. Решил зайти в библиотеку, представляете? Восхотелось почитать что-то легкое, знаете ли... Диваны же у вас есть? Нет, я не имею вашу квартиру в виду, не бойтесь, это я вообще. Есть диваны, должны быть и книги. Жорж Санд читала только на диванах. Но, странное дело, никто даже не знает, где она есть, эта самая библиотека!

Он посмотрел на меня пытливо.

– Глерд, вы шутите?

– Неужто похоже? – изумился я. – Когда шучу, то ржать начинаю первым, чтобы все понимали всю глубину моего остроумия. А что, здесь все неграмотные?

Он покачал головой.

– Глерд... Библиотека не столько библиотека, как семейный архив королевской династии. Понимаете?

– А-а-а, – сказал я, – династические тайны, кто-то кого убил, кто кого зарезал, а кто еще и ограбил труп, надругавшись над ним самым непристойным...

– Глерд, – прервал он строго, – не забывайте, мы говорим о королевских особах.

– Да-да, – ответил я. – Согласен со всем, глерд Руперт, со всем, что вы скажете. Вы мне нравитесь, потому и согласен. А что насчет королевской библиотеки...

Он взглянул на Терминуса, тот кивнул и быстро, уже с явным облегчением, заспешил к выходу из зала.

– Начало королевской библиотеке, – сказал Картер при-

глушеним голосом, – положил прапрадед королевы Орландии. Дела королевства шли как никогда хорошо, а он оказался любителем старинных рукописей и манускриптов. Сперва собрал по королевству все, что мог скупить, а потом принял-ся и за соседей... Его люди рыскали по королевствам и покупали редкие книги у таких же собирателей редкостей, но которые победнее, визнавали, где и у кого хранятся рукописи умерших гениев прошлых времен, что-то покупали, а что и выкрадывали...

– Настоящий король, – сказал я, – гуманист! А мог бы и бритвой по горлу...

Он вздохнул.

– К сожалению, доступ в королевскую библиотеку закрыт. Даже для самых доверенных.

– Почему?

Он помялся, ответил тихонько и поглядывая по сторонам:

– С родословной в династии не все гладко, так поговаривают. Сохранились легенды... или просто слухи, что основатель династии в прошлом заурядный разбойник, что, понятно, оскорбляет всю родословную... а есть нечто и похуже...

– Ну-ну? – сказал я заинтересованно.

– Говорят, сохранились бумаги, в которых задокументировано, что одна из королев слишком уж развлекалась со своими слугами, и настоящая династия Орнидов давно пресеклась...

– Гм, – сказал я, – а просто изъять эту запись и хранить

в королевском кабинете?

Он вздохнул.

– Вы не видели, сколько в библиотеке всего-всего... Там наткнуться можно только случайно.

Я сказал торжественно:

– Глерд Картер, у меня есть позволение ее величества... даже соизволение... посещать библиотеку, читать и даже копировать нужные данные.

Он дернулся.

– Вы... шутите?

– Проверьте, – сказал я с готовностью.

Он помялся, сказал с осторожностью:

– Простите, глерд, но я в самом деле вынужден...

Он взмахнул рукой, от стены отделился один из гвардейцев, выслушал Картера и бегом помчался по лестнице вверх.

Я посмотрел ему вслед, минуя взглядом Картера. Как истинный фанат футбола, я вообще-то презираю копание в своей так называемой душе. Недостойное демократа занятие, мы знаем, что никакой души у человека нет, это религиозный предрассудок и мракобесие, но сейчас вдруг с чего-то вдруг подумал: а чего это я здесь и на хрен мне эта библиотека?

Я что, в самом деле буду пытаться что-то сделать для этого жалкого королевства? Меня же вдернул сюда сумасшедший Рундельштотт, я с первой же минуты пытался найти способ вырваться из этого кошмара... и что сейчас? Чего я здесь,

когда стоит только выйти из здания, а на том конце двора башня Рундельштотта с работающим порталом в мой мир!

Сам чародей отдыхает в своей комнате, а я сейчас войду в его лабораторию, а оттуда шагну в Зеркало Древних. И все, забуду этот кошмарный мир...

Неужели начал кому-то здесь сочувствовать, если не сочувствовал ни жертвам цунами на Таиланде, где погибли десять тысяч человек, кому это нужны эти тайландцы, если они так далеко, ни жертвам жестокой резни в Севилье, это тоже далеко и не наше...

– Да ладно, – пробормотал я мысленно, – успокойся, ты не заболел никаким благородством. Все проще, скажи себе честно: я – тварь хитрая, хочу еще что-нить поцупить для дома, для семьи, которой еще нет, но вдруг да будет?

Сразу стало легче, я ощутил себя хитрым, изворотливым и хапающим все, что могу хапнуть, как и положено либералу и демократу, красиво и многословно разглагольствующему о базовых ценностях культурного человека.

Картер буркнул:

– Глерд, что с вами?

– А что? – удивился я. – Неужели я как бы волнуюсь?

– У вас лицо, – сказал он, – то как грозовая туча, то как будто свет изнутри, и тут же снова вот-вот грянет гром... Для чародеев это опасно. Держите себя в руках.

– Я не чародей, – заверил я.

– Улучшатель выше чародея, – напомнил он и встрепенул-

ся, выпрямился. — Ее величество!

Я развернулся к лестнице и поклонился раньше, чем сообразил, что я делаю.

Королева опускается по лестнице замедленно, величественная и надменная, темное платье с золотым шитьем волочится по ступенькам, а рядом с королевой идет принцесса Андрианна, вся светлая и чистенькая, даже платье того солнечного цвета, какой видишь только у новорожденных цыплят.

Она улыбнулась мне светло и застенчиво, а Орландия издали вперила холодный и немигающий, как у рептилии, взгляд, вся неподвижная настолько, что даже не понимаю, как спускается по ступенькам.

На груди изящная жемчужная цепь, но в центре крупный рубин или что-то подобное, такое же злое, сразу напоминающее о проливаемой крови.

Я подумал, что, заявив насчет посольства к королю Антриасу, она вовсе не имела в виду, что отправлюсь один, таких посольств не бывает вовсе. Посольство — это большая группа специально подготовленных людей, имеющих опыт общения при королевских дворах. На вершине пирамиды сам посол, он возглавляет команду, а в самом низу всякие мелкие помощники.

Можно не переспрашивать, мне уготована роль самого мелкого, а то и мельчайшего. Кстати, меня вполне устраивает, это понимает и королева. Бывает так, что именно на пле-

чи самых неприметных и ложится основная ноша, а глава посольства играет чисто декоративную функцию, на которую обращено все внимание, что очень кстати для неприметных.

Наверняка королева уже спешно комплектует состав посольства и, конечно, с горечью видит, что послать особенно и некого. Кадровый голод был всегда и у всех. И приходится довольствоваться тем, что есть, а не тем, что возжелалось...

Она остановилась, взглянула на меня в упор почти с ненавистью.

– Мне сообщили, глерд, что вы в такое опасное для королевства время хотите поотдыхать, читая королевские хроники?

– Во славу отечества, – пояснил я и, наткнувшись на ее непонимающий взгляд, пояснил: – В вашу славу, ваше величество, ибо вы и есть наше отечество... или хотя бы его символ. Или и как отечество вполне даже. Я, как знаток, в диком восторге.

Она поморщилась.

– Следуйте за мной.

– В пыточную? – спросил я деловито. – Веревку свою брать или казенную дадут?

– В библиотеку, – отрезала она и, повернувшись к сопровождающим, сказала холодно: – Все свободны.

Принцесса снова улыбнулась мне с сочувствием, следовать за королевой – опасно и страшно, я ответил ей понимающим взглядом, но королева моментально перехватила и на-

хмурилась еще больше.

Я на всякий случай слегка наклонил голову и опустил взгляд, это как бы признание доминантности того, перед кем стоишь, королева прошла мимо так близко, что на меня пахнуло холодом, как от всей Антарктиды.

Я послушно двинулся следом. Даже фрейлины остались на лестнице, а королева неспешно прошествовала через малый зал, потом еще и еще, слуги почтительно распахивают перед нею двери, а я двигался следом, словно заносящий ее подол на поворотах.

Наконец очередной слуга распахнул перед нами тяжелую массивную дверь. Навстречу пахнуло незнакомо-знакомым запахом. Я принялся, на аромат книг не похоже, у моих родителей была огромная библиотека, досталась от деда, до сих пор помню, как чихал и кашлял.

Королева величественно ступила первой, слуга придерживал для меня дверь, тем самым признавая мой статус. Хотя я не столь знатен, как всякие тут высокородные, но иду с самой королевой, она допускает в королевскую библиотеку именно меня, а это значит, на какое-то время я выше всех, кому допуск сюда закрыт.

Стены из настолько массивных глыб, что их точно не люди складывали, хотя, конечно, египтяне вообще нечто ужасное возводили, чтобы враги смотрели и ужасались.

– А здесь мило, – сказал я.

Голос прозвучал неестественно громко, словно эхо еще

и усиливает звуки.

Королева проронила на ходу, не поворачивая головы:

— Вы о чем, глерд?

— Романтика подземелий, — сказал я с чувством. — Что нас манит в них?.. Но все же что-то манит и влечет. А такая волнительность в душе, что как бы вообще... А вы, ваше величество? У вас должна быть одухотворенная душа, вы же королева!

Она не удостоила меня ответом, слуга некоторое время нес древко факела, а когда сумерки сгустились, перевернул его дважды, и верхушка беззвучно вспыхнула ярким пламенем.

Я постарался не выказывать изумления, этот факел явно горит без всякой копоти, заметно, да и сам способ зажигания надо будет запомнить, вдруг да получится.

Королева двигалась вперед уверенно, мы шли сзади и старались не наступать ей на волочащийся по ступенькам подол, хотя меня почему-то подмывало вроде бы невзначай прижать подошвой сапога. Нет, платье не сдернется с королевы, просто иногда желания возникают не от ума, а у меня такие возникают почему-то чаще, чем у человека нормального.

Лестница привела в обширный зал с низким полотком и массивными колоннами, удерживающими земную твердь. Я окинул взглядом столы с манускриптами, толстые кипы рукописных и несшитых листов, тут только сообразил, почему нет запаха книг.

На самом деле под запахом книг я понимал запах мельчайшей древесной пыли, а эти фолианты то ли из пергамента, то еще из чего-то, но точно не из привычной мне бумаги, так как даже самую бумагу раньше делали из шелка, тряпок и прочего уже забытого материала.

– Это она и есть, – произнесла королева, в ее голосе я уловил некий оттенок грусти.

– Весьма, – заявил я. – Недурственно. Художественный беспорядок, мне ндравится. Я и сам эстет временами. Спонтанно, так сказать, если к селу, но не к городу.

Она сказала со вздохом:

– За сотни лет так и не удалось разобрать, упорядочить, распределить в каком-то порядке.

– По важности, – спросил я, – или по нужности?

Она окинула меня надменным взглядом.

– Глерд...

– Ваше величество?

– А как по-вашему, это не одно и то же?

– Ваше величество, – воскликнул я. – Вы же сами знаете, в вашем правительстве... я имею в виду ваших советников, есть люди важные, а есть нужные.

Она поморщилась.

– Я говорю о книгах.

– Книги тоже, – ответил я со вздохом, – делятся на важные, нужные и красивые. Я вообще-то предпочитаю нужные. А вы?

Глава 3

Из-за стеллажей медленно выбрел, с кряхтением разгибая спину, косматый и толстый гном, хотя, конечно, не гном, гномов не бывает, а низкорослый и толстый старик с лохматой бородой.

– Ваше величество! – проскрипел он.

Не удостоив меня ответом, она обратила царственный взор на сгорбленного гнома.

– Фернандель, покажите этому глерду здесь все, что этого... глерда интересует.

Гном поклонился, спросил со значением:

– Ваше величество...

– Да?

– Все, – уточнил он, – это все?

Она наклонила голову.

– Да. Глерд Юджин волен читать все, что изволит. Чтение не наказуемо. Наказуемо не чтение, а если он вынесет из чтения могущее повредить королевству.

Он наклонил голову, а я поинтересовался смиренно:

– А если вынесет то, что может повредить королевству, но не применит во вред?

Она ответила холодно:

– Я все сказала.

Мы оба поклонились, все – это как бы все, а она поверну-

лась и пошла обратно.

Я проводил ее взглядом, а когда двери за ее королевским величеством захлопнулись, словно отрезали от нас вселенную, повернулся к Фернанделю.

– Ну, любезный, королевское повеление нужно исполнять. Вы мне показываете, что тут и как, а я усердно читаю. Или смотрю картинки, если интересные.

Он ответил недружелюбно:

– В рукописях нет картинок.

– Чего-чего? – спросил я в неимоверном огорчении. – Тогда с чего это меня сюда принесло? С картинками всегда интереснее.

Он спросил сухо:

– Вы что именно хотели?

Я пожал плечами.

– Королевство в опасности, потому нужно какое-то мощное оружие. Или то, что может быть оружием. При модернизации.

Он проворчал:

– Королевство всегда в опасности. Любое. Постоянно. И всегда все ищут оружие.

– Только люди и муравьи воюют друг с другом, – сообщил я. – Потому и совершенствуются. Воевали бы друг с другом кабаны или волки – они б стали венцом творения и царями природы! Потому что за царский венец приходится платить кровью. А для этого нужно оружие все более мощное...

Так как?

Он посмотрел на меня искоса.

– Я ничего не знаю про оружие Древних.

– А полудревних? – спросил я. – Мне вообще-то все сойдет. Я скромный и непереборчивый. Лишь бы много и побольше.

Он буркнул:

– Я могу показать, где у нас самые старые рукописи, свитки, отдельные листы из древних книг, неведомо как уцелевшие... Но читайте сами, у меня совсем другие заботы.

– Намного более важные? – спросил я.

Он ответил высокомерно:

– Разумеется! Я составляю полную генеалогию родословного древа династии Орнидов. Со всеми боковыми ветвями.

– Ого, – сказал я потрясенным голосом. – Да-а, ради этого стоит жить!.. Ладно, не буду мешать.

Он сказал высокопарно:

– Это самое умное решение в вашей жизни.

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Вот на том столе, говорите?

Он кивнул.

– Да. И на полках вдоль той стены.

Я скользнул взглядом по стене, полки с манускриптами закрывают ее всю от пола и до потолка, а тянется эта стена о-го-го.

Когда я под взглядом Фернанделя сел и открыл первый

манускрипт, он вскрикнул шокировано:

– Как вы можете?.. Это грубо!.. Нужно открывать специальной дощечкой... Вот она. Пользуйтесь только ею!

– Может быть, – поинтересовался я, – вы мне и перелистывать будете? Чтоб свои драгоценные слюни не тратить? Ваши наверняка дешевле.

Он фыркнул и ушел с таким оскорбленным видом, словно я предложил что-то совсем уж непристойное.

Я еще только посмотрел на все эти тысячи томов и уже ощутил тоскливое бессилие, смешанное с дурнотой. Искать неизвестно где и непонятно что, и если знатоками как-то умно объяснено, как именно древние греки вычислили размер Земли, расстояние до Луны и до Солнца, их массу, то совсем непонятно, как Демокрит сумел сделать открытие, что все в мире состоит из атомов, а именно в этом и есть фокус древних. Возможно, они чувствительнее, у них озарения происходили чаще.

Да, некое озарение, согласен. Кто-то сумел использовать мощь Солнца для создания порталов в пространстве, мало кто вообще-то знает, что все мы существуем только благодаря Солнцу, оно превращает неживую материю в живую с помощью фотосинтеза, а уж мы жрем эти листья, а также друг друга, не замечая, что находимся в атмосфере Солнца...

Найти бы записи этого умника, я же не простой древнегрек, у меня широкие познания, хотя никто из моих знакомых это не назвал бы познаниями, но я чувствую, что с моим

багажом я бы понял, как он это сделал.

А что сделал древнегрек, могу и я.

Фернандель то и дело проходит мимо полок, смотрит вроде бы на книги, но вижу, с каким жгучим нетерпением косит в мою сторону. Наконец не выдержал, подошел как бы невзначай, с подозрением заглянул в манускрипт, разложенный у меня на столе.

— А что именно ищите? — спросил он. — Как создавали оружие... или где спрятано?

— Все ищу, — пояснил я.

— Все, — ответил он с легким презрением, — это слишком много. Всего не найти никогда.

— Любые зацепки ищу, — пояснил я, — чтобы помочь родному отечеству в лице нашей обожаемой королевы. Пока хрень какая-то...

Он дернулся.

— Глерд, что вы говорите?

— А кому нужны, — спросил я, — записи, за сколько покупали рыбу на базаре три тысячи лет тому?.. Тоже мне, хроники...

— Здесь все, — сказал он нравоучительно. — Так было заведено. Каждый шаг королей важен. От этого зависело, каким быть королевству.

— Долой самодержавие, — пробормотал я. — Это я так, была такая форма правления. Самодержавное самодержавие.

– В библиотеке масса всего, – сказал он нравоучительно. – В древние времена случались вещи, непостижимые не только нам, простым людям, но даже высшим магам.

– Нынешним?

– Ну да, – сказал он. – И сама магия была иной.

– Правда? Как это?

Он ответил нехотя:

– Может быть, не сама магия, а люди. А магия делает то, что люди жаждут и к чему стремятся. Желания же в разные времена бывают разными.

– Золотые слова, – согласился я. – А вон там дверь, как я понял, в подвал?

Он ответил с огромной неохотой:

– Там самые древние записи. Но с ними нужно обращаться крайне осторожно.

– Закрываются заклятиями? – спросил я. – Прочтешь – и сразу копыта в сторону?

Он поморщился.

– Нет, но рукописи очень хрупкие.

– Идем туда, – сказал я решительно. – Ее величество изволили велеть! Кто мы, чтобы роптать?

Он вздохнул, явно жалея, что не прикрыл от моего взгляда дверь какими-нибудь ящиками.

– Хорошо, я открою. Только там неудобно...

– Стерплю, – заверил я. – Знания – сила! В погоне за знаниями можно все стерпеть. Даже подвалы.

Он буркнул с заметной неприязнью:

– Подвалы вообще-то самое надежное место. Подвалы и пещеры. Время над ними не властвует, это наверху все сносит. Быстро – человеческими руками, ветрами и дождями – медленнее, но все равно все ровняет с землей. А здесь тысячи тысяч лет неизменно...

Я кивнул.

– Даже перепады температуры исключены. Я слышал про термопреферендумы, хотя и не понял, что это такое. Хорошо, открывайте.

Он с натугой потянул на себя дверь, я помогать не стал на тот случай, чтобы остаться чистеньким, я сюда не лез, меня впустили, так и скажу королеве. Если, конечно, спросит, а она может.

Широкая каменная лестница уходит вниз, по обе стороны сами собой вспыхнули факелы. Я сделал вид, что не обратил внимания, это для народа магия вредна, но королям все можно, заразы.

– В глубинах, – сказал он почти равнодушно, – огромные пещеры, которые даже пещерами язык назвать не поворачивается.

– Исследованы?

Он пожал плечами.

– Кому они нужны? Раньше там жили гномы, хотя поговаривают, что и сейчас живут.

– Вымерли?

– Или ушли глубже, – ответил он. – В старину там были настоящие города. Туда переселились те, кому не понравились три солнца.

Я насторожился.

– А что, их когда-то не было?

– Есть и такие легенды. Правда, многовато их. Некоторые говорят вообще про одно, как будто такое вообще возможно!.. Ладно, я вас пока оставляю. У меня работа...

Он ушел, а я уже с волнением ринулся заглядывать во все рукописи, пробегая взглядом по одной-двум строкам, чтобы определить, о чем речь вообще.

Как-то само собой воспринимается, что читаю с легкостью, хотя не латиница и не кириллица, вообще непонятно что, однако раз мы все люди, то какие-то общие принципы остались, так что здесь я не только понимаю всех, но и читаю, чему, наверное, способствует разлитая повсюду магия.

Мне кажется, она способствует не только этому, нужно только прислушиваться, потому что прислушивался изо всех сил и наконец ощутил, что к одним толстым свиткам тянет больше, к другим меньше.

На всякий случай тихохонько, боясь спугнуть легкое, как эфир, ощущение, открыл рукопись, от которой теплом не веяло, а потом ту, которая казалась как бы милее.

Первая оказалась регистром всех конюшен королевства, а во второй шли рассуждения неведомого мага, как обращаться с Духами Природы, то бишь элементами, и чем

элементаль Огня опаснее элементаля Воды и почему элементали воздуха опаснее весной, чем летом.

Тоже хрень, но ближе к моим поискам. Прислушиваясь, я медленно, почти по сантиметру, продвигался вдоль полок и всматривался, посылая свой запрос.

Откликается совсем немного, но на этот раз я решил ничего не трогать, пока не обыщу все-все, и, вот уж я молодец и вообще гений, где-то ближе к концу полок ощутил странное тепло от одного из самых потрепанных манускриптов, самое интенсивное, хотя, если бы не вслушивался так, что из кожи лезу, не услышал бы в нормальном состоянии.

Ага, вот оно, рассуждение неведомого умника древности, что особо сильные чародеи умели брать магию прямо из Солнца. Звучит нелепо, если для человека этих времен, но я-то знаю, что мы не только чувствуем гравитацию Солнца и его магнитные бури, но и живем в его атмосфере.

Корона Солнца – самая внешняя и самая горячая его часть, распространяется от Солнца в виде солнечного ветра, что прет у Земли со скоростью пятьсот километров в секунду, а иногда и в тысячу, это и представить страшно.

Земля защищена мощным магнитным полем, а сам поток плазмы несется дальше и дальше, за Юпитер, Сатурн, и все это окружено гелиосферой.

Мы тысячи лет пользовались солнечной энергией, запасенной в деревьях, зерне, угле, нефти, газе, вот только сейчас начали использовать напрямую с помощью солнечных пане-

лей, а древние наткнулись на какой-то подобный способ чисто случайно, овладели и успешно пользовались.

Я читал и читал, позабыв обо всем. Оказывается, для того чтобы суметь создавать те порталы, человеку прежде всего нужно почувствовать себя частью этого, как бы сказать точнее, сверхорганизма.

Древние мудрецы путаются в терминах и объяснениях, да и как объяснить в их время, что Солнце генерирует чудовищную энергию, но вся уходит бесполезно в пространство, а на Землю попадает лишь стомиллиардная или стотриллионная часть, неважно, да и та пропадает зря.

Кто-то из древних мудрецов, свихнувшись от великого ума, представлял себе вообще всякие дикие вещи, он и вообразил себя частью чего-то огромного, и это огромное по его заказу создало портал. Он шагнул в него и оказался в другом королевстве.

К счастью, мудрец сумел поделиться своим открытием с другими, и еще двое таких же полоумных научились создавать порталы. Хотя, как гласит рукопись, удавалось даже им не сразу, а после долгих попыток.

Фернандель несколько раз заглянул в подвал, даже прошел мимо меня, такого начитанного, наконец не утерпел:

– Вам что-то еще нужно?

– Сгоняй за пончиками, – велел я.

Он набундючился.

– Что-что?

– Ну за пирожками, – уточнил я. – Или за гамбургером. Тут что, вообще не кормят?

– Нет, – отрезал он, – здесь не кормят. Здесь, если вы еще не поняли, библиотека, а не конюшня!

– В конюшне людей тоже не кормят, – сообщил я. – Уж и не знаю почему. А самому жрать овес, отнимая у коней...

Он сказал сухо:

– А вы попробуйте. Судя по вашему поведению, вы способны отнять у бедных коней даже сено.

– Ладно, – отетил я, – сдохну, но науку не брошу. Пусть вам будет стыдно. Науки юношей питают, отраду старым подают... Я уже так начитался, что совсем старый. Вон шея скрипит...

Он надменно задрал нос и удалился, а я продолжал лихорадочно думать, что я вот, как современный человек и понимающий настоящую картину мира, как раз могу вообразить себя частью Солнца и не свихнуться, так как все живое в самом деле его часть, от самых мелких амёб и до человека, все растения, даже камни, пронизаны его лучами, его энергией.

Мы живем в самой внешней части атмосферы Солнца и самой горячей, но не замечаем ее точно так же, как не замечаем плотного воздуха, всем нам по-детски кажется, что движемся в безвоздушном пространстве...

Эволюция идет от простейших все выше и выше, ми-

ром правят самые высшие, они преобразовывают вселенную, и преобразовывают не мышцами, то от простейших, а интеллектом.

Я пересмотрел остальные книги на тему Великой Магии Древних, от которых идет неведомое тепло, что не настоящее тепло, но все-таки тепло. То же о магии, но уже отвлеченные рассуждения и некие туманные общие принципы, словно кто-то просто нагоняет листаж для диссертаций.

Похоже, та гениальная догадка была единственной, что дала некий результат, а все остальное такое же знахарство, как и сейчас, и только иногда результат работы великих чародеев, которым повезло либо выжить при свете трех лун, либо наткнуться на подземные скопления магии.

Фернандель не появлялся долго, а когда наконец вошел в эту часть библиотеки, я ощутил по его виду, что он подкрепился вовсю, даже винцом пахнет мощно и призывно.

Я поднялся ему навстречу, поясница затрещала, хочется есть, во рту пересохло.

Он спросил с сытой солидностью:

– Что-то еще?

Я кое-как разогнулся, помахал руками, разгоняя застоявшуюся кровь. Раньше думал, что она может застаиваться совсем в другом месте, но, оказывается, я тоже умный или хотя бы похож на умных своей страстью к чтению в неудобных позах.

– Нет, – ответил я. – Спасибо за помощь. Сколько я тут

просидел?

– Остаток вчерашнего дня, – сообщил он, – всю ночь, а сейчас уже утро... нет, ближе к полудню.

– Что наука с нами делает, – пожаловался я. – Ладно, все здесь было очень даже интересно. Начитался на три жизни вперед. Жаль, что в нашей жизни все это как бы...

Он приятно улыбнулся.

– Неприменимо?

– Именно.

– Сожалею...

Но вздохнул он с облегчением. Мне кажется, все же опасался, что полезу в личные хроники династии Орнидов, а там наверняка много и любопытного, и пикантного. Всем простолюдинам и подлым людишкам страстно хочется знать подробности жизни великих людей, а еще больше – просто знаменитых, знаем, проходили.

– Рад был помочь, – ответил он. – Еще придете?

– Вряд ли, – сказал я. – Во всяком случае, не планирую в ближайшие сто лет. Я уже весь начитанный настолько, что мои дети останутся неграмотными.

Он довольно заулыбался.

– Всего хорошего!

Да уж, мелькнула опасливая мысль, хорошее тоже есть, но опасное. Суметь настолько ярко и полно во-образить себя частью этого мира, чтобы воспользоваться сокрушающей мощью энергии Солнца?

Он провел меня до самого выхода из библиотеки, словно боялся, что передумаю и вернусь, а когда взялся за ручку двери, сказал с той гордостью, что паче гордыни:

– Жаль, вы не видели наше основное сокровище...

– А чё за? – спросил я.

Он ответил с напыщенностью:

– В дальнем схроне есть особая книга, что сама себя пишет. Заполняет страницу за страницей, творит летопись событий. Такого чуда нет нигде больше!

Я сказал с сомнением:

– Ну, не знаю... Кажется, я понимаю, почему она в самом дальнем углу засекреченного подвала.

– Почему?

– Мало ли что она пишет, – сказал я. – Писать может только человек! Излагая свою точку зрения. А эта книга чью излагает?... А если вражескую?

– Эта книга принадлежала всегда династии Орнидов!

– Но мировоззрение менялось, – напомнил я. – То, что считалось раньше доблестью, может быть переоценено потомками. Все эти походы за зипунами...

Он отрезал с негодованием:

– Там истина!

– Но если нечеловеческая? – спросил я опасливо. – Я вообще-то не стал бы доверять такому летописцу... Хотя надо заглянуть, что он там пишет... Но не в этот раз. Будни всегда важнее праздников!

Он распахнул передо мной дверь.

– Успехов вам в боевых буднях.

– Спасибо, – ответил я.

Глава 4

Поднимаясь по лестнице в королевский зал, я напомнил себе, что я – Улучшатель, а не хвост собачий. Улучшатели здесь те, кто натыкался на то, что другие не замечают. Научного прогресса нет из-за магии, а всякое продвижение по лестнице цивилизации идет только из-за озарений, случайных открытий, потому здесь все так медленно.

Наверное, Демокрит тоже был Улучшателем, иначе в каком таком диком озарении понял, что он сам и весь мир состоит из атомов? Возможно, тоже чувствовал свое единство со вселенной, а то и мог пользоваться солнечной мощью.

Хотя земная атмосфера и задерживает большую часть излучения Солнца, но и оставшейся хватает, чтобы жить всему растительному миру, который только благодаря Солнцу, используя фотосинтез, создает органические соединения. Это благодаря фотосинтезу в прошлом были получены нефть и уголь, но человек может и будет пользоваться энергией Солнца без этих пока что примитивных посредников. Кто-то из древних сумел нащупать этот путь, мне ничего открывать не нужно, если удалось кому-то, получится и у меня...

В этом месте я ощутил некое странное чувство, словно во мне есть еще другой «я», и это его голос слышу, называя внутренним. Наверное, что-то съел не совсем такое, не узнаю

себя, не узнаю вовсе. Могу же из этого жестокого мира слить, запросто могу, но что меня держит, почему стараюсь сперва что-то сделать для этих людей, а слить потом?

Или все-таки из-за жажды спереть какую-то особо важную технологию?

Когда я выбрался наверх в залы, один из гвардейцев, увидев меня, бросился навстречу.

– Глерд, вас разыскивает начальник охраны.

– Форнсайн?

Он покачал головой.

– Картер.

– Хорошо, – сказал я, – а Форнсайн куда делся?

Он коротко улыбнулся.

– Здесь, во дворце.

– Что-то на глаза не попадается, – пробормотал я.

Он коротко усмехнулся.

– Это и мы заметили.

– Ладно, – сказал я, – так еще замечательнее. Мне лучше не попадаться. Я дурной, могу и обидеть.

Он убежал, я остался рассматривать придворных, а они, встречаясь со мной взглядом, либо опускали головы, либо начинали смотреть в стороны. Похоже, о нашем победном возвращении Рундельштотта узнал не только Форнсайн.

Картер, высокий и суровый, с худым костистым лицом, в кирасе и доспехах, привел Мяффнера, коротенького и толстенького, пухло-розового. Одежда глерд-канцлера то ли

в кружевах, то ли такая мода, но выглядит, словно все еще завернут в одеяло, однако оба при всей несхожести показались мне как близнецы и братья с одинаково встревоженным выражением.

– Глерд, – обратился Мяффнер с упреком, – как вы можете!

– Могу, – заверил я осторожно, но спросил на всякий случай: – Что я еще натворил? Надеюсь, пока что не государственную измену локального масштаба?

– Пока нет, – сообщил он, – а что, уже задумали?

Картер подобрался и посмотрел на меня, как волк на ягненка.

– Локальные, – ответил я гордо, – не мой масштаб. Я человек с размахом.

– Тогда пойдемте, – сказал он.

– Ищем место для размаха?

Он повернулся к Картеру.

– Глерд Руперт, благодарю, что сумели отыскать этого... Улучшателя.

– Я его сумею даже поймать, – сказал Картер. – Хотя ловить как раз бы не хотелось.

– Да, – согласился Мяффнер, – я сам заметил, что скользкий больно.

Он взял меня под руку и повел через зал к лестнице, что ведет на верхние этажи дворца.

– Ее величество, – сообщил он, – сейчас собрали у себя

членов посольства.

– На инструктаж?

– Вам надлежит быть тоже, – сказал он, не обращая внимания на мой недостаточно корректный вопрос. – Вы включены в состав.

– Счастлив, – сказал я. – Как же, буду представлять королеву! Да я с ума сойду.

Он поморщился.

– Ее величество будет представлять глерд Финнеган. Так что останетесь при своем разуме.

– А что буду я?

– А вы так, для мелких услуг.

– А-а-а, – сказал я, – принести, подать, свечку подержать?..

– Если вам доверят, – сообщил он.

– Буду стараться, – заверил я. – Особенно со свечкой.

Мы прошли через зал, где у стен на двух треногах слуги расставляют нечто занавешенное длинными полотнищами.

Я засмотрелся, Мяффнер сказал отрывисто:

– Не отвлекайтесь. Это всего лишь новые зеркала.

– А почему...

– Чтобы никто не проник, – ответил он сухо. – Есть слухи, что через зеркала можно пробраться даже в закрытые помещения. Потому они должны быть занавешены.

– Но у вас не, – сказал я осторожно. – Я имею в виду, все те, которые я во дворце видел...

Он отмахнулся с аристократической небрежностью.

– На каждом мощное заклятие. Сам Строуд, он знаток, накладывал... Потому те зеркала всего лишь зеркала, и ничего больше. А вам, кстати, раз уж не знаете нужных заклятий, нужно предохраняться как-то проще.

– Надо, – согласился я.

– Но вы всегда рискуете, – сказал он с неодобрением. – Я видел вас с фрейлиной королевы Кареллой Задумчивой. Вы разве не знаете, что она владеет кое-какими тайными знаниями? С нею даже рядом уже опасно. Вы как-то предохранялись?

– Да, – ответил я. – По самой древней и надежной методике. На морду ей штаны набрасывал.

Он вздохнул.

– Да, это помогает, но с женщиной предохраняться нужно иначе.

– Как? – спросил я. – А то мы в наших медвежьих углах все по старинке, по старинке...

Он вздохнул.

– Все шутите, глерд?.. Вот мы и пришли.

Гвардейцы у королевского кабинета не сдвинулись с мест, но слуги распахнули перед нами двери проворно и почти-тельно.

«Сколько же у королевы кабинетов, – мелькнуло у меня. – Вроде бы я здесь еще не был...»

В комнате Финнеган, Баффи и Эллиан, все у стены, бесе-

дуют вполголоса, хотя посреди кабинета стол и дюжина удобных стульев с подлокотниками, но вроде бы страшатся почему-то подойти, потому делают вид, что не очень-то и хотели.

– Мое почтение, – сказал я.

Мяффнер поморщился, сказал сухо:

– Глерды, этот человек тоже приглашен к совещанию.

Все трое воззрились на меня, как на пса, что самозабвенно рылся на помойке, а потом счастливый такой вбежал в этот зал, пачкая ковры грязными лапами, и даже готов броситься на шею.

Финнеган посмотрел на меня, потом на Мяффнера.

– Полагаете... оно должно слушать, о чем здесь будет изложено и даже сказано?

Мяффнер развел руками:

– Дорогой глерд, что полагаю я и что полагаете вы, не так важно в сравнении с тем, что полагает ее величество?

Финнеган вздохнул и умолк, даже с укором посмотреть не решился, а Эллиан сказал примирительно:

– Если глерд Юджин запланирован тоже быть в посольстве, то ее величество знает, что нам нужен будет человек, смотрящий за конями, собирающий хворост для костра, если вдруг заночуем в лесу.

Я посмотрел на Эллиана в упор.

– Глерд Эллиан, да что конь, я могу посмотреть и за вами.

Он чуточку смешался.

– За мной необходимости нет.

– Есть, – ответил я. – Потому я посмотрю.

– Не стоит, – произнес он уже нервно.

– Я все-таки посмотрю, – сказал я. – Я посмотрю, глерд

Эллиан.

Мяффнер заговорил суетливо:

– Глерд Юджин!.. Благородный глерд Эллиан не нуждается в опеке, как он сам сказал.

– А если он не знает, – возразил я, – что нуждается? А я люблю делать людям добро... как я это понимаю. И я ему сделаю.

Эллиан чуточку побледнел и повернул голову, чтобы меня и не видеть вовсе. Я не стал дожимать, Финнеган и Баффи поглядывают обеспокоенно, уже поняли, что на мне где сядешь, там и слезешь, это в лучшем случае, а вообще-то есть и плохой вариант, когда всадников норовистые кони иногда сбрасывают да еще и лягают, за что их зовут лягушками.

Мяффнер сказал быстро:

– Внимание всем! Пока ее величество не прибыло, давайте определимся. Как мне кажется, вам всем надлежит остерегаться лордов Денза Краммона и Лореса Сам-ринера. Первый проводит политику королевства Опалоссы, регент Ригильт опасается за свою власть и всячески натравливает короля Антриаса на Нижние Долины. Мне кажется, он недопонимает, что Антриас потом станет сильнее и посмотрит на Опалоссу другими глазами...

– Ригильт просто выигрывает время, – сказал Финне-

ган. – Есть сведения, что он спешно возводит новые крепости на границе с Уламрией и укрепляет старые.

Глерд Баффи спросил у глерда Эллиана:

– А что лорд Самринер?

Эллиан поморщился.

– Жаждет подвигов и воинской славы едва ли не больше, чем сам король Антриас.

– А Нижние Долины, – сказал Баффи, – самая лакомая добыча.

– Богатое королевство, – сообщил Мяффнер, – у всех вызывает зависть и желание пограбить.

Глава 5

Двери распахнулись, королева вошла без громогласных криков церемониймейстера «Ее величество королева!», все-таки к себе, а не на общее обозрение.

Все чинно склонили головы, а она прошла к столу, сказала сухо:

– Садитесь. Глерд Мяффнер?

Мяффнер сказал торопливо:

– Все, кого вы назвали, здесь. Я уже обрисовал собравшимся в общих чертах, что предстоит. И даже некоторые моменты успели, да.

Я сел, как и все, глерды держатся с достоинством, они хоть и не королевы, но высшие из высших, ведут себя прилично, воспитанные или запуганные, что вообще-то все равно для государства полезно.

Королева произнесла четким голосом:

– Главой посольства назначаю глерда Финнегана. Его помощниками и заместителями, буде он окажется недоступен, глердов Эллиана и Баффи. В посольстве будет также глерд Юджин...

Они косились в замешательстве, наконец Финнеган поинтересовался почтительнейшим тоном:

– Ваше величество... а могу я поинтересоваться, какова роль глерда Юджина... и какие функции на него возложены?

Королева коротко взглянула на меня, я стою смиренный, как пингвин на утесе, помедлила чуть с ответом.

– Глерд Юджин... самый молодой член посольства... он будет учиться и набираться опыта. Потому у него особых функций просто еще нет. Посмотрим, что он сумеет. А пока его роль будет самая неприметная и малозначительная.

Финнеган с самым удовлетворенным видом наклонил голову.

– Ваше величество, ваша мудрость может соревноваться только с вашей... проницательностью.

Судя по заминке, хотел сказать «с вашей красотой», как все мы врем в подобных случаях, но не решился, хотя королева и красива, но как-то слишком зловеще, даже страшновато, а зайцы вряд ли решатся делать комплименты львице, даже сытой.

– Тогда уточним детали, – сказала она. – Вы должны узнать, каковы настоящие планы короля Антриаса.

– Ваше величество? – спросил Финнеган.

Она сказала чуть резче:

– Планирует ли вторжение в Нижние Долины или это провокация. Это самое главное. Все остальные сведения, которые добудете, уступают по важности этой. Так что сконцентрируйтесь...

– А зачем это ему? – пробормотал Эллиан. – Я имею в виду провокации? Он воинственный король, делает то, что говорит.

– Короли делают то, – ответила она, – что нужно королевству, а говорить можно разное. Нужно оценить риски вторжения, для этого вы и отправитесь.

Финнеган заверил:

– Мы все сделаем, ваше величество!

Я ощутил, что королева сейчас закончит инструктаж, поднялся и после поклона произнес смиренно:

– Ваше величество, в составе посольства наверняка будут слуги, конюхи? Наверняка наш мудрый глава посольства глерд Финнеган даже личного повара возьмет.

Она сказала с неудовольствием:

– Глерд, учитесь выражать мысли короче.

– Это я от волнительности, – заверил я. – Ваше величие у меня просто дух вышибает! Все, что хотел сказать, забываю, а что было не со мной, помню... В общем, я хочу взять в собой в любом качестве, что позволяет штатное расписание, доблестного глерда Фицроя.

Она приподняла одну бровь.

– Это с которым ездили выручать Рундельштотта? Да, конечно. Он в вашем распоряжении.

Поморщились не только Финнеган, но даже Эллиан и Баффи, предпочли бы, чтобы слугой на побегушках у них был я, а тут получается, что у меня самого будет слуга. А раз так, то меня как бы не пошлешь поить коней.

– Благодарю вас, ваше величество, – сказал я с чувством. – Вы... э-э... великая королева. Хоть режьте меня, но вот пря-

мо в глаза вам так и скажу всю правду-матку, ваше величество: вы – великая королева!

Она ответила холодно:

– Все свободны.

Финнеган с Эллианом и Баффи вышли, надменные и величавые, я держался за ними, как серая мышка, но приотставал из почтительности все больше, а когда они начали спускаться по лестнице, вернулся к двери королевского кабинета и сказал старшему слуге:

– Доложи королеве, что у меня неотложное дело.

Он, не меняя выражения лица и не делая лишних движений, чуть приоткрыл дверь и буквально просочился вовнутрь, как струйка дыма.

Я терпеливо ждал, наконец он вышел и сделал почтительный жест ладонью в сторону кабинета.

– Королева готова принять вас.

Двери он распахнул, правда, одну половинку, но все же распахнул, этакая полупочтительность, но лучше полупочтительность, чем полунепочтительность.

Я быстро вошел в кабинет, поклонился коротко и сказал отрывисто:

– Ваше величество, вы очень заняты, потому не оторву вас от дел. А если и оторву, то ненадолго. Вы поступили мудро, что не стали вызывать лорда Кельвина – так зовут полномочного представителя Уламрии при вашем дворе?.. – и обвинять во вмешательстве короля Антриаса в наши... простите,

ваши дела. Посланник ответил бы, что король ничего не знает о похищении Рундельштотта, однако теперь я настоятельно рекомендую написать письмо.

Она сказала холодно:

– Королю Антриасу?

– Как король королю, – ответил я. – Простите, королева, хотя в делах государства властители должны быть бесполыми. Как королевская особь королевской особи.

– И что я ему напишу? – сказала она резко. – У нас нет доказательств!

– И не надо, – ответил я.

– Что-о?

– Вы всего лишь, – пояснил я, – попросите строго наказать мерзавцев, посмевших похитить вашего любимого лекаря. Не указывая пальцем на короля. Дескать, он вне подозрений, потому и обращаетесь с такой естественной просьбой... Как к кузену. Кузен к кузену. Э-э-э, кузина к кузину. Тьфу, кузина к кузену!

Она откинулась на спинку трона, лицо хмурое, в глазах недовольство.

– А что он должен сделать?

– Не знаю, – ответил я откровенно, – но вы же, короли, как бы одна семья, даже обращаетесь друг к другу «кузен», «кузина». Повязаны! Одна... простите, команда. Мафия. Коза ностра. Общество королей. Так что он, как король, королеву выслушает.

– А что ответит?

– Неважно, – сказал я настойчиво, – главное для вас – дать понять, что мы здесь обо всем знаем, учитываем и готовим адекватный, но несимметричный ответ. Потом поясню. Главное, чтобы прочел, а я доскажу на словах остальное.

Она впилась в меня взглядом.

– Что у вас за игра?

– Ваше величество, – объяснил я, – то, что скажу, это я скажу. Вы за меня не отвечаете. Во всяком случае, если возникнут вопросы, вы дезавуиру... дезавуируете... тьфу, какое слово длинное, что, проще говоря, скажете, это он сам, то есть я, молот спьяну, а вы вообще не позволяли мне рта раскрывать, так как рылом... в смысле рангом не вышел! Вы повелели только передать письмо, и усе. А в письме будет выверено лично вами, это ж слова улетают, а на бумаге остаются.

Она слушала внимательно, кивнула с некоторой задержкой, все еще до конца не убежденная.

– Хорошо. Напишу.

Я сказал твердо:

– Ваше величество, любое посольство – это всего лишь посольство, но в нем должен быть человек, который занимается делом. Официальная часть будет за глердом Финнеганом, а мне вы поручите неофициальную.

Ее лицо отвердело, а голос стал жестче:

– Вы о чем, глерд?

– Первое, – сказал я, – вы мне уже изволили возжелать, повелеть то есть, вы напишете письмо королю Антриасу, а я передам. Это будет личное письмо, которое он предавать огласке не станет.

– Дальше, глерд.

– Давайте я вам сразу продиктую? – предложил я и, увидев, как меняется ее лицо, сказал поспешно: – Да пошутил я, пошутил!.. Вы сами найдете правильные слова. Просто я предлагаю написать вот так: «Дорогой кузен, сообщаю о неприятном случае, который связан с вашими людьми. На днях прямо из башни королевского дворца был похищен наш любимый лекарь Рундельштотт. Похитители повезли его в сторону Уламрии. Двое его учеников вызвались догнать похитителей, строго наказать и освободить своего учителя, что и было сделано. При этом им пришлось защищаться от ваших воинских отрядов, что привело к некоторым человеческим потерям. Прошу вас, кузен, строго наказать виновных в столь дерзком похищении. Мои глерды волнуются, требуют мести, но я уверена, что это было сделано без вашего ведома, и что вы строго накажете виновных».

Она смотрела на меня без всякого выражения, но изменившийся голос показал, что напряженно раздумывает над таким неожиданным предложением.

– И что он должен ответить?

Я вздохнул.

– Как вы догадываетесь, это письмо никому не покажет.

Но каким бы горячим ни был, это его немного отрезвит. Не совсем, но вам и малость важна, не так ли?

– А вам, дерзкий глерд, это сойдет с рук?

Я изумился.

– Ваше величество! Вы что, беспокоитесь за мою шкуру?

Она продолжала смотреть на меня тем же холодным и ничего не выражающим взглядом, а когда заговорила, голос полностью соответствовал ее облику:

– Я беспокоюсь за миссию посольства.

– Ваше величество, – сказал я с одобрением, – что всякие там люди, когда на кону честь?... Люди – тлен, их еще много будет, а честь так быстро не возрождается, как эти двуногие! В общем, подожду в коридоре, пока изложите все на бумаге, как видите и понимаете. А то, боюсь, глядя на меня, не совсем то напишете, больно у вас лицо как бы не весьма задумчивое...

Она поморщилась, а я тихохонько вышел в коридор, подчеркивая всем своим видом, что потрясен ее величием, мудростью и вообще королевистостью, пусть женщине будет приятно.

Послышался женский смех и веселый щебет, в конце коридора, где лестница, показались поднимающиеся фрейлины королевы, Карелла Задумчивая и две ее подруги уже собирались топать еще выше, но Карелла увидела меня, остановилась, заулыбалась.

На таком расстоянии не поговоришь, а кричать неприлич-

но, леди не повышают голос, не кухарки и не торговки рыбой, она кивком пригласила подойти, но я сделал печальное лицо и указал большим пальцем на дверь королевского кабинета.

Она кивнула, поколебалась, но что-то шепнула подругам, обе тут же заторопились наверх, а она решительно поплыла, приподняв платье с боков обеими руками, в мою сторону.

– Глерд?

Я поклонился препочтительнейшим образом.

– Глердесса... вы... э-э... прекрасны!

Она мило наморщила носик.

– Как оригинально!.. Глерд, разве вам не дали отдохнуть после такого подвига?

Я отмахнулся.

– Да какого подвига... Мы только нагнали повозку, а Рундельштотт уже всех перебил и разворачивался в обратную сторону.

– Повезло, – сказала она.

– Я вообще-то везучий, – согласился я. – Вот думаю, где мне еще повезет...

Она хитренько улыбнулась.

– Думайте, глерд, думайте. Мне кажется, я даже знаю, где вам может повезти, если приложите усилия...

– Ой, – сказал я, – я так волнительствую, так волнительствую!.. Но я недогадлив из-за своей удивительной и непорочной чистоты и духовности!.. Может быть, вы, как натура глубоко одухотворенная и чувственная, снизойдете до моих

страданий и подскажите, что же мне такое изделать, чтобы приложить так приложить...

Она поощряюще улыбнулась.

– Глерд, вы умеете разговаривать с женщинами!.. Но раз уж у вас такие затруднения, то, как вы точно сказали, будучи существом отзывчивым и сострадательным, откликнись и помогу вам с вашими трудностями.

– Это меня спасет! – воскликнул я жарко.

Она поощряюще улыбнулась.

– Увидимся, глерд.

Она произнесла таким голосом, что я почти отчетливо услышал: «Встретимся в постели». Все-таки, несмотря на строгие нравы, что процветают и культивируются в обществе, некоторые ухитряются извлекать для себя немалую пользу за счет простаков, что все соблюдают свято и даже истово.

Старший слуга, я про себя его уже начал называть королевским секретарем, приоткрыл дверь и, поймав меня взглядом, сказал негромко:

– Глерд Юджин...

– Иду, – ответил я.

Королева за столом держит в обеих руках лист бумаги и внимательно читает, вернее, перечитывает то, что написала.

Я остановился и ждал, а она, закончив, подняла на меня холодный взгляд.

– Глерд...

Я прервал, что есть неслыханное нарушение этикета, но когда-то это сделать надо и внести ясность:

– Ваше величество, вы сказали глердам, что как-то случайно удалось узнать о моем высоком происхождении? Хотя и не выяснить точно, кто и откуда?

Она кивнула с кислым выражением на лице.

– Да.

– Тогда и сами, – сказал я с нажимом, – уж простите за дерзостнейшее напоминание, должны для поддержания этой нужной королевству и миру легенды вести себя так, будто у меня до жути длинное древо могучего и знатнейшего рода! В смысле, слушайте меня так, как слушаете глерда Финнегана или хотя бы Эллиана. Внимательнее. А не так, как...

– Как?

– Будто слуга несет какой-то бред, – сказал я зло. – Если я для других отныне знатный глерд, что не хочет раскрывать свое имя, то и для вас должен быть им, ваше величество! Разве не так? Иначе все коту под хвост. У вас кошки есть?

– Нет, – отрезала она.

– Хорошо, – сказал я.

Она сказала в легком раздражении:

– Хорошо, давай вернемся к делу. Ты полагаешь, есть какие-то способы остановить короля Антриаса?

– Не вижу таких, – вынужденно признался я. – Но затормозить можем. Намекая на некие возможности. Чтоб он с га-

лопа перешел на осторожную рысь. А то и на грунь.

Она посмотрела на меня очень внимательно.

– А разве у нас такие возможности есть?

– Нет, конечно, – ответил я, – но это мы знаем, а король Антриас пусть думает иначе.

– А если вдруг...

– Он король, – напомнил я. – Короли должны быть осторожнее.

Она продолжала смотреть внимательно, я ощутил, что малость перегибаю, не мое дело знать, как должны вести себя короли.

– Хорошо, – ответила она замедленно. – Надеюсь, он рисковать не станет.

– Не должен, – заверил я.

– Хотя человек он отважный и очень безрассудный...

– Рискует обычно малым, – поддержал я, – а у королев, за что ни возьмись...

– С другой стороны, – сказала она, – он молод, горяч, честолюбив и жаждет прослыть великим полководцем.

– Великие полководцы, – сказал я, – знали силы противника. В смысле, всегда сперва разузнавали, а потом думали. Пусть даже у противника сил было больше, но когда знаешь, кто где стоит, кто здесь уже трое суток, а кто прибыл только что после изнурительного марша... действовать можно. Однако мы напустим тумана и создадим ситуацию неопределенности. Пусть он не знает, какими силами мы располагаем.

Она покачала головой.

– Он знает.

– Ваше величество, – сказал я твердо, – позвольте этим щекотливым делом заниматься мне. Не в том смысле, что мне, а в том, что вам не стоит в него лезть. Простите, что объясняю так доступно.

Ее глаза вспыхнули гневом.

– Глерд...

– Ваше величество, – ответил я почтительно. – Короли должны быть выше. Положение обязывает!.. Вы же королева... Вы отдали прямые указания глерду Финнегану, а мне вы отдали приказания... не прямые, а так, общие. Чтобы я мог толковать их, как подскажет момент. А вам, чтобы оставаться чистой, лучше вообще о них не знать. Простите, что я вслух говорю то, что обычно понимается и так, но это я для ясности... Вдруг вы устали или дни у вас трудные. Я слышал, что у женщин они бывают хотя бы раз в месяц...

– Короли не устают, – отрезала она высокомерно, полностью проигнорировав неясный намек на какие-то трудные дни. – Но у меня могут быть более важные дела... потому в самом деле не изволю вникать в мелочи.

– Вот-вот, – сказал я с облегчением. – А я, как человек мелочный, займусь всей этой ерундишкой.

Она сказала резко:

– Но мне обо всем докладывайте. Я не выношу, когда принимаются какие-то решения за моей спиной.

– Я вам доложу, – заверил я, – докладу потом в общих чертах. Если чё. Дабы не утруждать. Ибо. Вы королева и должны королевить, а не!

Она сделала брезгливо движение кончиками пальцев.

– Возьмите письмо, глерд. И убирайтесь.

Глава 6

Посольство собиралось засветло во дворе под бдительным присмотром глерда Джуэла, главы дипломатической службы королевы, и благожелательным и заботливым глерда Мяффнера, глерд-канцлера.

Привели лучших коней из королевской конюшни, мы же представляем королевство и королеву, так что у нас все должно быть лучшее, как одежда, так и кони, а у коней сбруя. В самом деле уздечки украшены золотом и мелкими рубинами, седла и попоны расшиты золотыми нитями.

Глерд Финнеган явился в камзоле золотистого цвета, на груди две массивные золотые цепи с россыпью рубинов. Вообще одет несказанно пышно, на Эллиане плащ торжественного багрового оттенка с золотой вязью, золото даже на седле и стремянах, а камзол черный, как ночь, с цепочкой жемчуга по вороту.

И даже Баффи разодет словно на свадьбе, хотя, как мне кажется, до столицы Уламрии еще далековато, одежда поистреплется и запылится, лучше бы ее везти в мешке позади седла, а уже на въезде в Иисор можно переодеться и принять гордые позы.

Мы с Фицроем, зная себе цену, одеты как нельзя проще, я едва уговорил Фицроя не надевать поверх камзола горнолыжный костюм, что сам меняет цвет, если не остановить

его на базовом красном, вот бы изумились остальные члены посольства, а нам нужны лишние расспросы?

Финнеган покосился на мешок позади моего седла.

– У вас там не только еда, глерд?

– Это кувшин выпирает, – сообщил я. – С узким горлышком.

Он покачал головой.

– Молодежь... Когда вы научитесь перед путешествиями вино переливать в бурдюки?

– Моя вина, – сказал я сокрушенно.

Он махнул рукой и повернулся к своему коню, и сказал злорадным шепотом:

– Чуть не раскрыл твои колдовские штучки?

– Молчи, – сказал я тихо, – а то превращу в рыбу.

Он расширил глаза.

– Почему именно...

– Глерд Финнеган обожает рыбные блюда, – сообщил я.

– Молчу-молчу.

Так и выехали из ворот королевского двора: глерд Финнеган как глава, глерды Эллиан и Баффи, следом мы с Фицро-ем, а позади двое сопровождающих нас по личному распоряжению ее величества королевских гвардейцев. Ехать будем по главной дороге, так что воины не для охраны, а больше для престижа, а также подать, принести, сбегать...

Правда, гвардейцам велено сопровождать нас только до пограничной речушки Светлячки, а как только перейдем

ее вброд, оба повернут коней и вернутся в Санпринг с сообщением королеве, что мы уже в Уламрии.

Так и выехали на рассвете, я даже не поскулил, уже привык к этому варварству, здесь подняться в такую рань почему-то вовсе не подвиг, а почти обыденность, даже знатные глерды могут вскочить среди ночи и еще с закрытыми глазами ухватить меч точно за рукоять.

Свежие кони идут бодро, за первый день пройдем рекордное расстояние, еды у нас в мешках достаточно, как и отборного зерна для коней, а дальше ночлег, еду можно покупать в городах и селах по дороге, даже менять коней, если понадобится.

Я еще перед отъездом заверил королеву, что мы с Фицроем проведем отряд самой прямой дорогой прямо к мосту, а там нас переправят на ту сторону либо на лодках, либо на плотах.

Фицрой поглядывал испытующе, я сказал тихо:

– Не против, если возглавим мы?

Он ухмыльнулся.

– Разве и так мы не возглавлятели?

– Как и обезглавлятели, – согласился я. – Мы специалисты широкого профиля.

Он сказал весело:

– У нас широкие запросы!

Я толкнул коня каблуками под бока одновременно с ним, и, обогнав троицу таких знатных глердов, что аж страшно,

мы помчались впереди, что и есть правильно: это как раз мы совсем недавно развели и проложили прямую дорогу к Ииссору.

Фицрой, похоже, в самом деле из знатных, не вижу за ним ни малейшего желания сблизиться с высокопоставленными глердами, словно уже осточертели, и вот он, как принц, тайком уходит в деревню, где общается без церемоний, выпендренов и тайного смысла в каждом слове и движении.

– Послом я еще не был, – сообщил он. – Кем только не, вспомнить страшно... а когда и смешно, но посольство, гм...

– Значит, – сказал я, – мы еще молоды.

– И красавцы, – уточнил он. – Как думаешь, нас сразу повесят, как только узнают, кто мы, или сперва помучают?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Во-первых, королева строго-настрога велела нашим молчать о том, кто спасал Рундельштотта. Во-вторых...

Он нахмурился.

– А разве мы не всех перебили?

– Вроде бы всех, – ответил я с неуверенностью, – а если кто и уцелел, то мы были слишком далеко, чтобы наши морды рассмотрели.

– И запомнили.

– Да, это вряд ли.

– Понятно, – сказал он, – значит, только лорд Нельтон, леди Ангаретта...

– А также лорд Квенард, – напомнил я, – его жена леди

Нардина...

– Они могут и смолчать, – сказал он, – но там же масса народа, что нас видели!.. Думаю, в замок ворвались к утру?

– Раньше, – сказал я. – Я посоветовал самим разобратъ завал и пропустить королевский отряд в замок. Чтоб его не привлекли. Он всего лишь выполнял священный обычай. Вернее, следовал ему.

Лицо Финнегана потемнело, брови сдвинулись, я помалкивал, наконец он пробормотал:

– Вообще-то маловероятно, что защитники далекого лесного замка вдруг окажутся в королевском дворце. Да еще и встретят там нас.

– Тоже так думаю, – подтвердил я.

– А я просто надеюсь, – признался он.

– Случается все, – согласился я. – Но как-то больше верю в обыденность, чем в редкие совпадения. Во всяком случае, послы вроде бы неприкосновенны?

– Да? – переспросил он. – Я думал, только парламентары с белым флагом...

– Послы и есть парламентары, – пояснил я. – В некотором роде. Послов нельзя убивать, тогда и та сторона будет отрезана от источников информации... Пусть брехливых, но все же из любой брехни можно извлекать зерно, если, конечно, говоришь не с женщиной, тех ни один дешифровщик не поймет.

Он посмотрел на меня с уважением.

– Столько странных слов знаешь... Не сразу и поймешь. Не заболел?

– Нет, – заверил я, – просто головой ударился, когда на королеву засмотрелся.

– Все беды от женщин, – согласился он.

– Королева не женщина, – сообщил я.

Он посмотрел на меня в изумлении.

– Ты чего?

– Она символ, – сказал я. – Знамя.

Он хмыкнул.

– Не хотел бы я быть королевой.

– Вряд ли будешь, – сказал я. – Рундельштотта с нами нет.

Он посмотрел с угрозой.

– Но-но. То-то вас во всех королевствах истребляют. Так, на всякий случай. Нам не нужны неожиданности! Кроме тех, которые устраиваем другим мы сами.

Далеко за кустами шелестнуло, мелькнула серая спина не то кабана, не то оленя. Фицрой моментально ухватился за лук, конь под ним азартно ринулся в ту сторону, словно Фицрой и этот жеребец одно целое. Я лишь проводил их взглядом, мой конь все понял и меланхолично продолжил путь.

Я не стал умнее, вижу четко, но умею больше, а это даже не знаю, хоть мозгов не добавляет, но возросшие возможности как бы требуют и работы мозга интенсивнее. Пусть не на уровень, но хотя бы на ступеньку выше.

Но как, на какую ступеньку, если я мозги напрягать не привык, вообще не привык напрягаться, могу облажаться, когда замахнусь на что-то крутое, а сам не крут, я-то это знаю...

С другой стороны, прочитанное там в библиотеке жжет внутри как не знаю что. Это такие возможности, такие возможности!.. Скоро все люди научатся управлять энергией напрямую, но мне выпала возможность сделать это первым, как не воспользоваться?

Не воспользоваться легче, напомнил я себе мудро. Просто ничего не делай – только и делов. А воспользоваться... это сперва наломать дров, обжечься, а то и сломать пальцы, если не руки...

Затрещали кусты, зеленые ветви испуганно распахнулись, Фицрой выметнулся из чащи в самом деле как кентавр: грозный, шумный и с бессильно свесившим копыта оленем поперек седла.

В его сторону испуганно развернулись Эллиан и Баффи, даже Финнеган изволил остановить коня.

– Какое, – крикнул Фицрой весело, – самое вкусное слово?

Баффи ответил громко:

– Добыча!

– Наш человек, – прокричал Фицрой и, заставив свое конское тело сделать лихой поворот, сбросил оленя под ноги лошади Баффи.

Баффи, нимало не чинясь, тут же соскочил на землю и, выхватив из-за пояса нож, сладострастно вонзил оленю в грудину, с натугой повел надрез в сторону брюшины.

Финнеган поморщился, покряхтел и сказал ворчливо:

– Ладно, небольшой привал. Если глерд Баффи не сумеет разделать зверя, мы ему поможем.

– Советами, – подсказал Эллиан.

– А как же, – удивился Финнеган. – Мы же советники! Ее величества королевы.

Он грузно спешил, конь вздохнул с облегчением. Эллиан соскочил легко, бросился к коню Финнегана и принялся снимать седло. Его конь посмотрел ревниво, вздохнул и поплелся к кустам с зелеными молодыми веточками.

Фицрою явно хотелось самому помочь Баффи разделить оленя, но стерпел, великодушно позволяя другим получать радость, перехватил мой внимательный взгляд, рот растянулся в широкой улыбке.

– Ну как?

– Великолепно, – сказал я искренне.

– А ты?

– Я умею только есть, – ответил я честно. – Зато как!

– Ладно, – сказал он. – Хоть хворост соберешь?

– Это я почти умею, – сказал я, – хоть и плохо, но должен же внести свою лепту в общее дело?.. А то и оленины не получу, вы такие...

Он принял повод моего коня, а я направился за дере-

вья, оглянулся, запоминая направление, у меня с географией нелады, спустился в небольшую лощинку и сел, привалившись спиной к дереву.

Я понимаю, что могу говорить о чем угодно, но думаю только о том, что живу в атмосфере Солнца, что я ее часть и могу пользоваться его мощью без посредников не только в виде угля и нефти, но даже и без фотоэлементов...

Странное чувство сопричастности нахлынуло быстрее, чем в прошлый раз. Я замер, страшась спугнуть ощущение малости и в то же время соединенности с необъятным миром космоса, где я такой же необъятный, что могу охватить всю расширяющуюся Вселенную и пространство атома раздвинуть до бесконечности.

– Портал, – прошептал я. – Портал... хочу портал... нет, жажду!.. портал для мгновенного перемещения в пространстве... не по пространству, а через... вот так... представляю... вот так...

Я не стал зажмуриваться, просто вообразил перед собой дыру в материи, из которой состоит пространство. Нужно только быть осторожным, чтобы тот дальний конец дыры не оказался в недрах Солнца или Сириуса, а то и на поверхности нейтронной звезды.

Хотя это меня занесло, вероятность ничтожна, а вот оказаться в межгалактическом пространстве... да, это реально.

Все тело осыпало огнем, в шаге передо мной вспыхнул красный и очень плоский огонь, потек во все стороны

как по стеклянной стене. Нет, будто ткнули спичкой в середину бумажного листа. Огонь пошел во все стороны, оставляя в середине быстро расширяющуюся дыру.

Я задержал дыхание, почему-то возникла ассоциация со львом, прыгающим через огненный обруч. Ему наверняка еще как страшно, хоть он и лев, а я не совсем бесстрашный царь зверей, да и не обруч это, а намного более грандиозное и страшное.

Нет, не обруч, а вполне себе типичная дверь, какие строили еще древние вавилоняне или хетты, а сейчас у всех в нашем коттеджном поселке. Ну, не сама дверь, только дверная арка, огонь. Только что огонь по всем четырем сторонам...

Проступило серое изображение, я со стучащим сердцем всмотрелся, готовый к чудесным видам инозвездных миров, в первую очередь – планет, дивных дворцов, прыгающих из галактики в галактику автомобилей...

Серая мерцающая дымка застилает все – от рамы до рамы, но, всматриваясь со стучащим сердцем, различил толстые стволы деревьев, причудливо изогнутые ветви, мелкий кустарник...

– Была не была, – прошептал я. Нахлынуло чувство, что если сейчас не решусь, то обретенная возможность исчезнет и никогда больше не появится. – Да в гробу я видел это посольство...

Вскочил и быстро, не давая себе передумать, шагнул в дверной проем портала. Странно, огнем не пахло, деко-

рация или огонь где-то за тысячи миль...

Глава 7

Подошва уперлась в мягкий серый мох с торчащими корнями деревьев. Впереди и по сторонам громадные стволы закрывают вид в стороны, а ветви прячут небо. Портал за моей спиной исчез в тот же миг, как я переместился на эту сторону, а я судорожно вздохнул и сообразил, что все это время не дышал, словно страшился спугнуть севшую перед носом дивную бабочку с трепещущими крыльями.

В теле такая слабость, словно вместо Сизифа втаскивал весь день на гору камень. Только потому и не визжу от радости, сил нет, чувствую себя как медуза, выброшенная волной на берег.

Колени подломились, я опустился на землю, ноги налились свинцом, даже голова тяжелая, будто сам череп из чугуна толщиной в два пальца.

Послышались шаги, кусты раздвинулись, появился Фицрой с флягой вина в одной руке и куском ветчины в другой.

– Долго нам ждать хвороста, – заметил он насмешливо, всмотрелся в мое лицо и сказал уже встревоженно: – Ты чего?.. Еле живой!.. Что тебя подкосило? Ладно, я сам хвороста наберу...

Я с трудом удержал на нем взгляд, свинцовые веки наползают на глазные яблоки, перекрывая все на свете.

Фицрой, веселый и наглый, все еще стоит надо мной

и с аппетитом жует ветчину, таким огромным ломтем гнома убить можно, а эльфов – так сразу двух.

Запах ударил мне в ноздри, я ощутил зверский голод.

– Сейчас сдохну, – прошептал я. – А хлеба у тебя нет?

Он изумился.

– Ты же утром жрал в три горла!.. Ну ты даешь...

Я смолчал, а он вернулся, как полагаю, к костру, молодец, я торопливо огляделся и только теперь понял, что портал был, все получилось, но только переместился я аж на целый шаг, вон слева то дерево, под которым я сел, даже трава только-только распрямляется...

Фицрой принес половину холодного бараньего бока с краюхой хлеба и с изумлением наблюдал, как я пожираю все это, как голодный волк, что неделю бегал за добычей.

– Ты приболел, – сказал он с беспокойством. – А нам с больным возиться не с руки. Давай я тебя прирежу потихому?.. И тебе хорошо, и нам приятно.

– Вам приятно, – пробормотал я, – это ясно. А почему мне хорошо?

– Я тебе покажу, – пообещал он, – классный удар ножом в глазницу!.. Мгновенная смерть, не успеваешь ничего почувствовать! Тебе понравится, обещаю.

– Если не успею почувствовать, – буркнул я с набитым ртом, – то как понравится?.. Ладно, в другой раз будет вам всем приятно. И даже весело. Обхохочетесь!

– Обещаешь? – спросил он. – Ну тогда ладно. Вина при-

нести?

– А в твоей баклаге?

– Последние капли, – сообщил он. – А тебе, как вижу, капли должны быть размером с озеро. Не самое крупное, а так, среднее.

– Ты принесешь, – ответил я. – Лучше сам приду. Вот до-
ем и приду. И за добавкой.

Он расхохотался, небрежно сгреб в охапку сухие ветки и удалился, бодрый настолько, что почти подпрыгивает. Я в самом деле обглодал все мясо с ребер, уж и не знаю, что может быть вкуснее бараньих ребрышек, доел хлеб и ощутил, что да, силы возвращаются с такой скоростью, словно хлеб и мясо, пренебрегая долгим и нужным процессом переваривания, сразу превращаются в энергию.

Ну вот как фотоэлементы сразу улавливают энергию Солнца и превращают ее в электричество, оставив в прошлом примитивный и долгий процесс добывания угля, нефти и газа, чтобы сжечь и превратить в электроэнергию.

Когда я вернулся к месту отдыха, огонь уже полыхает всюю, ободранная тушка оленя аккуратно насажена на длинный прут толщиной с древко пики, а Эллиан азартно выбрасывает из огня сырые сучки, оставляя только красные угли.

– Долго вы ходили за ветвями, глерд, – сказал он с ехидцей. – Наверное, в обморок упали?

– Я мыслил, – сообщил я ему, – жаль, вам этот процесс абсолютно незнаком. Я Улучшатель, а мы могучи рассужде-

ниями, логикой и доводами. Хотя в морду тоже могу дать.

Он поморщился.

– И что же намыслили?

Я обратился мимо него к отдыхающему под деревом Финнегану:

– Высокочтимый глерд, я вспоминал все, что слышал об Уламрии, и пришел к выводу, что королевство не такое уж монолитное, как выглядит. И каким его стараются представить в глазах соседей заинтересованные лица.

Финнеган посмотрел на меня исподлобья.

– Допустим, это так. И что?

– Можно попытаться, – сказал я, – дестабилизировать обстановку. На самом деле это не так трудно, как кажется.

– Ну-ну?

– Тогда Антриасу, – договорил я, – будет не до завоеваний. Но, к сожалению, на это нужно время, которого у нас нет. Как добыть?

Все слушали молча, Финнеган подумал, кивнул.

– Новичок прав, – сказал он покровительственно, но обращаясь больше к Баффи и Эллиану. – Когда королевство раздирали мятежи Большого Крагена и Кровавой Охоты, королю Антриасу было не до мыслей о завоеваниях...

Эллиан скривился, метнул в мою сторону взгляд, полный неприязни.

– К сожалению, – сказал он сухо, – власть короля после подавления мятежей только укрепилась.

– Ситуацию, – сказал я, – можно сделать перманентной.

Он спросил озадаченно:

– Что это?

– Замороженный конфликт, – пояснил я, – так называемый в народе дипломатов. Но его можно сделать и полумороженным.

Финнеган слушал внимательно, а Эллиан буркнул:

– Это... как?

– Так, – ответил я, – что король не решится вывести армию за пределы страны. Во избежание. Если создать ему проблемы внутри.

Они переглянулись, на лице Эллиана проступило выражение недоумения, но задавать мне уточняющие вопросы посчитал ниже своего достоинства, а Баффи, не желая ставить приятеля в неловкое положение, лишь пробормотал:

– Догадываюсь, что у вас либо есть опыт в подобных делах, либо хорошо их знаете.

– Знаю, как делается, – ответил я.

– Ну вот...

– Но сам я, – пояснил я, – далек от этих дел. Улучшатель – это есть я! А то уже и забывать начал... Я ж такая цаца, каждый день что-то улучшать могу! А то и дважды в день.

Фицрой добавил бодро:

– А портить умеет вообще с утра до вечера!

Они кисло поулыбались, Эллиан поднялся и ушел к дубу, где отдыхает Финнеган, тот подвинулся, давая ему краешек

шкуры. Эллиан плащом укрыл главе посольства ноги, оставив кончик для себя, и закрыл глаза, притворяясь, что спит или глубоко мыслит.

– Пусть отдыхают, – сказал мне Фицрой громким шепотом. – Мы все съедим сами... Или не съедим?

– Лопнем, – сказал я твердо, – но съедим.

– Это по-нашему, – согласился он. – Давай, снимай, уже бока подрумянились...

– А почему не порезали на куски? – спросил я. – Быстрее бы пошло. И прожарилось бы лучше.

Он посмотрел на меня в недоумении.

– А красота? Жарить над углями тушку зверя или просто куски мяса?.. А-а-а, это у тебя такие шуточки!

– Конечно, – подтвердил я. – А ты сразу и не врубился, здорово. Эстетика прежде всего! А вкусовые качества... это для беззубых.

Он сказал, оправдываясь:

– Да ты такой серьезный! Я уже подумал, случилось чего. И похудел даже...

– Ты наблюдательный, – пробормотал я, – но сейчас поправляюсь на год вперед.

Он сам снял с огня багровую, лоснящуюся от закипающего жира тушу оленя, а я смотрел на него и старался понять, моя трусость или моя слабость виной, что портал переброшил меня на такое крохотнейшее расстояние, а не на другую планету, не в мой мир...

Впрочем, мне же видно было через портал, что там, так что в страшное не полезу, но все-таки лес казался немножко другим... Наверное, аберрация зрения.

Фицрой разложил оленя на белой скатерти и умело резал на части. Баффи потолкал Эллиана и Финнегана, те одинаково потянули носами, хватая ноздрями запахи, и торопливо перебрались к лесному столу.

– Ради этого стоило остановиться, – сказал Финнеган с одобрением. – Вы полезный член посольства, глерд Фицрой!.. Возможно, и ваш товарищ окажется не совсем так уж лишним.

– Я сам его готов прибить, – ответил Фицрой, – за полную ненадобность. Зато какие он истории знает!

– О бабах? – спросил Баффи.

Фицрой посмотрел на него с изумлением.

– А о чем же еще?

Баффи сказал мечтательно:

– Нам бы тоже послушать...

– Ехать несколько дней, – ответил Фицрой, – думаю, Юджин расскажет такое, что нам и представить страшно. Мне во всяком случае было страшно, как только люди могут, даже и не знаю...

Он резал и сразу раздавал обжигающие пальцы тяжелые ломти мяса. Я взял свой и сразу впился зубами, пренебрегая этикетом, а питекантроп во мне одобрил утробным рычанием.

Всякие истории я в самом деле, понукаемый Фицроем, рассказывал по дороге и на привалах. В голове туева куча исторических и даже доисторических фильмов, как их называют, хотя я не представляю, кто и как снимал тогда сериалы на тему Крестовых походов или династических битв за троны, правильнее назвать те труды фильмами на исторические темы, что значит умело и красиво перевернутые в угоду времени съемки и политической ситуации.

Естественно, такие истории красивее правды, потому меня слушали с горящими глазами и стиснутыми кулаками, а сердобольный Баффи то и дело плакал навзрыд как над гибелью героев в Илиаде, так и над страданиями Пенелопы. Даже Финнеган так расчувствовался и прослезился над судьбой Ромео и Джульетты, что явно в его роду когда-то было подобное.

На очередном привале, оставив рыдающего Баффи и скупно вытирающего слезы Финнегана, я снова скромненько отошел в сторону, а потом вовсе удалился за кусты.

Пусть считают, что робею в присутствии знатнейших глердов королевства, вдруг да нечаянно пукну, это же со стыда должен сгореть, как жить после этого?

На всякий случай за кустами вообще отыскал сваленное бурей огромное дерево, так называемый выворотень, после него в земле всегда остается глубокая яма, и пока ее не занял медведь, я спустился туда и, привалившись спиной к прогре-

той солнцем земляной стене, начал вызывать те ощущения, что испытывал полубезумный чародей древности, когда вообразил себя частицей Солнца.

И которые удалось испытать мне, когда я сумел погрузить себя в то же самое состояние. Странное и пугающее все-таки ощущение воссоединения со всем миром, а это не значит, только с человечеством, что вообще-то, как верно сказал Демокрит, состоит из тех же атомов, что и окружающие нас камни, воздух и вообще пространство...

Портал проступил в полушаге передо мной, легко дотянувшись кончиками пальцев, но пока что-то трогать страшно. Огонь на этот раз полыхает не так страшно, хотя сама поверхность «зеркала» по-прежнему мутная и нервно подергивается, рассмотреть что-то практически нереально, вроде бы лес... но если всматриваться вот так долго и с напряжением, то муть начинает рассеиваться и рябь становится менее заметной.

Нет, второй раз не полезу. Уже вижу, лес тот же, более того, чувствую, что снова перебросит на шаг, не дальше. А сил отнимет столько, словно помог Сизифу камень закатить, да еще и подложил валун, чтобы не скатился.

Только и того, что докажу себе, да, получилось. Портал в прошлый раз исчез сразу. Видимо, одноразовый. На большее энергии недостает, и так чувствую себя словно пробежал марафон...

С той стороны плотной зеленой стены раздался бодрый

крик Фицроя:

– Юджин!.. Мы уезжаем!

– Иду! – прокричал я. – Бегу!

Уже из седла он встретил меня назидательной речью:

– Не иду и не бегу, а надо говорить – лечу! Можно добавить «со всех ног»!.. У тебя их сколько?

– Никогда не считал, – признался я. – А сколько со стороны?

– Одна, – ответил он. – Как у улитки. А надо бы штук сорок, как у сороконожки. Или шесть, как у муравья... Давай в седло, я твою лошадку уже оседлал.

– Спасибо, – сказал я с благодарностью.

Он отмахнулся.

– Не стоит. Она у тебя такая смешная. Сразу начала вынюхивать в моих карманах морковку. Ага, только для нее и приберег...

– Не дал?

Он покачал головой.

– Нет, конечно. Но пришлось, очень уж жалобно просила.

– Добрый ты, – сказал я обвиняюще. – Не быть тебе в правительстве королевы. Разве что послом в каком королевстве подальше от Нижних Долин.

Он сказал с непритворным ужасом:

– Ни за что! Увидишь, что тебя ждет, самому расхочется.

Финнеган с Эллианом и Баффи, не дожидаясь нас, едут уже далеко впереди, я не успел вскочить в седло, как скры-

лись за поворотом тропки.

Итак, первое по результатам. Подтвердилось, что создание портала требует огромной концентрации сил, после чего упадок сил и сильный голод. Так что создавать порталы по любому случаю вряд ли. Еще надо учесть, что истощает не только мои силы, но и заключенную во мне магию, а это уже серьезно.

К сожалению, счетчика у меня нет, сколько магии осталось, не знаю. Может и подвести в нужный момент, как когда-то подстригался перед тем, как идти на вечеринку, а аккумулятор разрядился. Заряжать долго, так и пошел с наполовину постриженной головой.

Идем дальше, и во второй раз увидел только лес, словно больше чем на шаг отодвинуть не удастся. Или же просто моих силенок маловато. На шаг это почти что ничего, глупость какая-то. Мне в идеале нужен портал в мой мир, прямо на диван в своем доме. Или хотя бы в этом королевстве «в любой момент в любое место», как говорят в воздушно-десантных.

Может быть, для такого важного дела все-таки требуется предельное сосредоточение, самадхи или как его там, а не эти попытки практиковаться в таком сложном вопросе, не слезая, как говорится, с седла. Во всяком случае, не в походе. Вот вернусь... нет, не в свой коттедж, там ничего не получится. Сперва нужно здесь. Уже понял: если чем овладею здесь, то могу использовать и там.

Как вот создание пистолета и патронов с помощью перестройки атомов. Сперва здесь, потом там.

Глава 8

Фицрою наскучило мое молчание, конь под ним все понял и пошел галопом, догоняя отряд. Я даже не проводил их взглядом, я же мыслитель, а мысли у меня все такие, что куда там собрать в кучу, если ни одну даже поймать не удастся, слишком умные, потому такие шустрые...

Что-то зацепило взгляд, я дернулся и посмотрел по сторонам, сосредоточился. За деревьями как будто горит слабая свеча, но когда я начал всматриваться, толстые стволы уже закрыли, к тому же дорога пошла вниз, а когда снова выбралась наверх, ощущение необычности исчезло.

Впереди Финнеган уже покинул седло, Эллиан поддерживает его под руку и провожает к ближайшему дереву, Баффи и Фицрой занимаются лошадьми.

Завидев меня, Фицрой крикнул бодро:

– Привал!.. Глерд Финнеган полагает, что отдых на три часа будет вполне уместен служителям культа дипломатии.

– У дипломатии нет культа, – уточнил я.

– Точно?

– У дипломатов, – пояснил я, – нет и не должно быть даже совести или убеждений, а ты о культе, наивный юноша.

Он ухмыльнулся, а Эллиан, хоть и поморщился от такой откровенности, нельзя вслух о профпригодности и склонности к такой ответственной работе, но понимает, что я прав,

потому промолчал.

Баффи сказал с облегчением:

– Лес не совсем роскошные апартаменты дворца, но отдых везде отдых, правда?

– Отлучусь на пару минут, – сказал я.

Никто не задавал вопросы, Баффи вон отлучился еще раньше, чем я покинул седло, Эллиан тоже вломился в заросли достаточно торопливо, а я бросил повод Фицрою, а сам пошел по конскому следу в обратную сторону.

Так и есть, эту траву уже видел и даже рвал, а потом на ее месте рыл яму. Сейчас, судя по изменившейся растительности в радиусе размаха рук, в земле накопилось достаточно магии, что уже начинает пробиваться к поверхности.

Мечом копать не весьма, хреново даже, если не сказать крепче, моя пара минут превратилась сперва в двадцать, а потом в час, но и тогда я лишь смутно начал чувствовать, что там, в глубине, в самом деле образовалась каверна с той странной вещью, что связывает в себе эту непонятную пока энергию, именуемую магией.

Возможно, это то, что называем темной энергией, еще не зная, что это, но по результатам наблюдений астрономов догадываемся насчет исполинской мощи, что двигает галактики, гасит и зажигает звезды, творит из себя пространство и расширяет Вселенную.

Когда измучился так, что уже не мог выбрасывать из ямы землю, пришла наконец разумная мысль: что вообще опасно

играю с огнем, еще неясно, что сотворит со мной эта скопившаяся под землей энергия.

И хотя умом понимаю, что я, как царь природы, должен всем этим управлять, но, с другой стороны, темная энергия может и не знать этот важнейший императив... или знает? С другой стороны, все во Вселенной идет строго по плану: зародилась жизнь, затем разум, а потом разум начал овладевать космической энергией: сперва жег деревья, продукт фотосинтеза, потом все дальше и выше, наконец атомной, а теперь вот пора переходить на еще более высокий уровень...

– Так почему же за высоким, – прошипел я, – приходится вкапываться?... Надо как те древние, потребляли же как-то солнечную энергию всем телом... или не всем, неважно, а чтоб вот так примитивно... питекантропы...

Несколько раз отдыхал, привалившись спиной к стенке ямы. Пальцы саднят, руки все черные, грязные, исколотые всякой ерундой в земле.

Ощущение, что нечто вот-вот, уже скоро, заставило копать снова, а когда совсем обессилел, всадил клинок в землю и раскачивал его, стараясь загнать поглубже.

В пальцы остро кольнуло, я не успел отдернуть руки, как по ним от рукояти меча хлынуло саднящее шершавое и оранжевое чувство некой огромности, вселенскости. Я задохнулся от звездной мощи, что пошла раздувать меня, как глубоководную рыбу, в глазах потемнело, но тут же вспыхнул такой яркий свет, что я ослеп начисто, однако ви-

жу все куда отчетливее, чем раньше, так что это я ослеп как-то иначе, не так примитивно, а как примитив – я о-го-го...

Когда я вышел на поляну, где отдохнувшие глерды уже снова седлают коней, Фицрой оглянулся, я помахал ему рукой, дескать, меня лесные чудища еще не съели, не радуйся.

– В той стороне, – сказал он с озабоченностью в голосе, – был столб огня! Я не видел, правда, но наше благороднейшие и наблюдательнейшие глерды, что из самых благородных и родовитых семей королевства Нижние Долины... о чем это я? А то уже забыл... Ах да, Баффи и Эллиан успели заметить. Пожар? Или это было...

Он умолк, поглядев на меня со значением.

– Для Эллиана ничего не стоит соврать, – сказал я. – Просто так, даже не ради выгоды. Для искусства.

– А благороднейший и наблюдательнейший глерд из глердов Баффи?

– Баффи всегда поддержит, – ответил я. – Любого. Он конформист и коллаборационист, как и положено демократу и либералу на службе у самодержавной королевы, хранительницы тоталитарных устоев прогресса.

Фицрой посмотрел на Баффи с испугом.

– Чё, правда?

– Ты же обоих знаешь, – сказал я, – как облупленных.

– А глерд Финнеган?

– Финнеган, – сказал я, – дело другое. Он бы подтвердил, но, как я понимаю, многомудрый глерд Финнеган на всякий

случай ничего не видел, верно?

Фицрой оглянулся на Финнегана, тому как раз Эллиан помогает взобраться в седло.

– Верно, – ответил он.

– Потому и во главе посольства, – сказал я. – Теперь понял?.. Я вот ничего не видел. Хотя чудеса обожаю!

Фицрой сказал строго:

– Нужно было садиться лицом к востоку. Ты нарушил главное правило наших предков!

– Сам придумал? – поинтересовался я.

– А что, – сказал он задиристо, – плохое правило?

– Главное, – сказал я с чувством, – полезное. Когда придерживаешься правил, чувствуешь себя правильным человеком. И как бы выше всей этой шушеры, что бегают вокруг и вообще непонятно зачем живет.

Он ухмыльнулся.

– Молодец, понимаешь!.. Значит, останешься на нижней ступеньке до скончания века.

– Почему?

Он пояснил:

– Наверху люди должны быть представительные.

– А я?

– Ты с виду крупный, – признал он, – а если приодеть и научить важничать... но почему-то не совсем дурак, что непонятно! Нарушение какое-то. Ладно, хлебни из моей баклажки, пора ехать. Отдохнешь в седле.

Заночевали по дороге в селе, Финнеган расщедрился и заплатил, чтобы мы с Фицроем заняли целую комнату, а не устраивались на конюшне или на сеновале.

Правда, Фицрой даже ложиться не стал, намекнул, что уже присмотрел тут пару сдобных курочек, так что сеновал устраивает вполне, а вот я, дескать, могу в отдельной комнате, что в полном моем распоряжении, ощутить себя хоть королем Антриасом, хоть королевой...

Я не стал заходить к остальным, делая вид, что все такие знатные, просто страшно с такими рядом, стесняюсь, робею и все такое, а сам уединился и прислушивался к тому, что происходит в организме, хотя четко чувствую пока только жжение по всей нервной сети, как будто знаю, где она у меня проходит, во всяком случае, жутко хочется почесать ногтями как-то изнутри.

Бывает, перекачаешься в спортзале, идешь домой, а тебя всего жжет, молочная кислота разгулялась, а потом еще суток двое едва ложку поднимаешь, сейчас не так, но, похоже, не мышцы горят, а нервная ткань стонет и просит пощады... или перестраивается, наращивает либо сами нейроны, либо быстренько создает новые связи между уже существующими?

Я закрыл глаза и попытался представить себя частицей этого мира, которая не просто сама по себе, изолированная, а влияет на этот мир. И не с помощью каменного топо-

ра или лазерного скальпеля, а уже по-современному, напрямую, без посредников.

Уснул под утро, встал с тяжелой головой, во дворе глердам деревенские мужики уже седлают коней, а Финнеган барски спрашивает деревенского старосту:

– Лошади свежие?

– Да, великий глерд!

– А копыта не сбитые?

– Все в порядке, глерд!

– Подковы еще не умеете прибивать? Эх, темнота...

Староста пробормотал озадаченно:

– Подковы?.. Ваше глердство, даже не слышали...

Финнеган скривился, отпустил его небрежным взмахом длани, а Эллиану сказал громко, кося на меня одним глазом:

– Пока в глубинку это придет, сколько лошадей обезножит... А то Улучшатель улучшил... и забыл, но мы обязаны все время помнить, что без ухода любое улучшение погибнет!

«А он не дурак», – мелькнула у меня мысль. Хотя напрасно ждет, что буду прикованным к своим улучшениям. Хотя вообще-то снова прав: Улучшатель и должен быть прикованным и постоянно улучшать, но я-то знаю какой из меня Улучшатель...

И снова дорога идет вдоль леса, иногда ныряет в него и торопливо перебегает, пугливо шарахаясь от деревьев, напрямик, под копытами то хрустят камешки, то шуршит пе-

сок, иногда даже плещет вода в ручьях и мелких речушках, а над нами светят то одно-два солнца, то озаряют мир огромные луны.

Одежда Эллиана и Баффи достаточно запылилась к тому времени, когда до Ииссора оставалось уже всего ничего, именно тогда мы слышали в лесу приближающийся стук копыт целого отряда.

Фицрой впереди насторожился, потащил из ножен меч, но Финнеган сказал резко:

– Глерд!.. Мы уже трое суток на землях Уламрии!

Фицрой вложил клинок обратно, но ладонь не убрал, остался с раздувающимися ноздрями и учащенным дыханием в готовности к быстрой схватке.

Стук копыт стал громче, из-за деревьев выметнулся воинский отряд на легких конях. Во главе рослый офицер, за которым оруженосец гордо везет развернутый баннер.

Мы остановили коней, офицер тоже натянул повод, крикнул:

– Кто такие?

Финнеган выехал вперед и проговорил с вежливой надменностью:

– Посольство ее величества королевы Орландии к его величеству королю Антриасу.

Всадник воскликнул обрадованно:

– У вас быстрые кони! Я думал, придется ехать до границы с Нижними Долинами!.. Я – капитан Ленс Тревор, послан

вам навстречу. Погодите минутку...

Он оглянулся, мы услышали стук колес, и вскоре из-за деревьев, откуда выехал отряд, показалась крытая повозка, запряженная четверкой лошадей.

Я подумал невольно, что по такой хорошей дороге справилась бы и одна лошадь, а четыре... явный перебор. Для важности или таков дипломатический протокол.

За повозкой в отдалении держатся двое всадников, это значит – в повозке грабить нечего.

Завидев нас, повозку остановили, всадники остались в арьергарде. Офицер, назвавшийся капитаном Тревором, объяснил дружелюбно:

– Его величество король Антриас послал эту повозку вам навстречу! Наш король всегда окружает друзей заботой. Надемся, остаток вашего путешествия пройдет с большим комфортом, чем в седлах.

Дверца распахнулась, из повозки выглянул грузный мужчина со щеками на плечах.

– Глерд Финнеган! – позвал он.

Финнеган расцвел улыбкой, сорвал с головы шляпу и картинно помахал ею.

– Это же мой старый друг лорд Краутхаммер!

Он поспешно покинул седло, я ухватил его коня под уздцы, а Финнеган заковылял к повозке. Один из всадников соскочил на землю и, поддерживая глерда под руку, помог подняться на высокую ступеньку повозки.

Через минуту Финнеган выглянул, помахал рукой.

– Глерд Эллиан, – позвал он, – глерд Баффи!.. Идите сюда, здесь еще два места.

Эллиан с победоносной улыбочкой бросил мне повод, а я по-тугодумы поймал, а потом понял, что меня вообще-то оскорбили, я не слуга, это Фицрой может бросить так, мы друзья, а Эллиан, скотина редкостная, ну хорошо же...

Фицрой придержал коня Баффи за узду, Баффи сполз по конскому боку на землю и сказал застенчиво:

– Спасибо, благородный глерд.

– Не за что, – ответил Фицрой. – Мне в седле даже лучше. Не волнуйтесь, вашего коня я продам по дороге.

Баффи сказал испуганно:

– Нет, тогда я лучше верхом. Мне очень нравится эта лощадка.

Фицрой захохотал.

– Да успокойтесь, глерд. Никому я его не продам... Разве что обменяю.

Баффи, двинувшийся было к повозке вслед за Эллианом, остановился в испуге и нерешительности.

Я сжалился, сказал почти тепло:

– Глерд Баффи, да не продаст он вашего коня! И не обменяет. Правда-правда. Езжайте спокойно... Разве что кто-то в самом деле даст за него приличные деньги.

Баффи сказал беспомощно:

– Знаете ли, что-то мне расхотелось в повозке. Тут ветер

в лицо, птички поют, а там только колеса скрипят.

Финнеган высунулся в окошко и крикнул сердито:

– Баффи!.. Долго нам ждать?

Баффи съежился и поспешно полез в повозку.

Капитан Тревор повернулся в седле, глядя на меня с дружеской насмешкой.

– Сожалею, – произнес он с мужественной теплотой в сильном голосе, – но в повозке в самом деле только четыре места.

Я отмахнулся.

– В седле я чувствую, как сказал глерд Баффи, этот свежий ветерок, вдыхаю запахи молодой травы и цветов, а они там будут нюхать друг друга.

Он улыбнулся.

– Это да. После долгой дороги в седлах запахи еще те... Но не огорчайтесь. Со временем и вам предстоит счастье нюхать запахи в повозках с плотно закрытыми дверцами.

– Ну спасибо, – ответил я недовольно.

Он расхохотался откровенно и дружески.

– Мы можем поехать впереди, чтобы не глотать пыль от колес. До Ииссора уже близко. Вы бывали в этих краях?

Я помотал головой.

– Что вы, я из нашего королевства еще ни ногой!

– Вам город понравится, – заверил он серьезно. – Вообще у нас понравится.

– Мне уже нравится, – ответил я.

Он спросил с любопытством:

– Чем? Вы же еще почти ничего не видели!.. Только пару замков вдали.

– А дороги? – спросил я. – Таких дорог еще не созерцал. Только короли с сильной властью могут проложить по королевству настоящие мощные дороги, что проходимы даже весной и осенью!

Он посмотрел на меня с любопытством.

– Интересное наблюдение. В Нижних Долинах не так?

Я покачал головой.

– Там столица делегировала полномочия властям на местах. А местные лучше потратят собранные деньги на пиры и гулянья.

– У вас слабая королева? – поинтересовался он с некоторым намеком и как бы подсказывая ответ.

Глава 9

Я не стал заглатывать червячка, из которого так заметно торчит острый крючок, покачал головой.

– Нет, она сильная женщина. Просто слишком заботится о подданных. Это хорошо для них, но плохо для государства.

– Почему? – спросил он как бы наивно.

Я объяснил:

– Чтобы страна была сильной, люди должны работать больше, чем им нужно для пропитания. Но без принуждения как заставить? Думаю, над этим вопросом ломали головы разные правители... Как заставить людей проводить прямые и широкие дороги, засыпать по пути болота, строить настоящие каменные мосты?

Он слушал внимательно, лицо оставалось таким же дружелюбно веселым, но посмотрел на меня, как показалось, несколько иначе.

– А почему не захотят сами?

Я фыркнул.

– Настоящий широкий каменный мост через реку можно построить только за десяток лет...

Он уточнил:

– Мост через реку Страмбу, это самая крупная река Уламрии, строили пятьдесят лет. И то ни на день не оставляли работу.

– Вот-вот, – сказал я. – А кому это из простого народа надо?.. Он добровольно построит только то, что ему нужно вот прямо сейчас.

– Вы понимаете, – произнес он уважительно, – что необходимо королевству.

– Не я один, – ответил я с надлежащей скромностью. – Однако в мире всегда боролись две концепции: сильной королевской власти, что все держит в своих руках, и приятного, но мало жизнеспособного варианта, когда власть передается местным глередам и городским общинам.

Он посмотрел на меня с веселым прищуром.

– А вы что предпочитаете?

Я пожал плечами.

– Это зависит, наверное, от возраста.

– Вы молоды, – заметил он, – но уже в посольстве.

– Я молод и силен, – согласился я, – потому больше нравятся сильная королевская власть. Она может творить великие дела в масштабах всего королевства! Но когда постарею, мне больше по нраву будет тихая зажиточная жизнь в своем имении, когда королевская власть меня не тревожит, а я сам определяю, сколько и какие налоги взимать со своих крестьян, какие дороги строить или не строить вовсе.

Он подумал, кивнул.

– Мудро. Чувствуется, вы хорошо изучали этот предмет.

– Я старался, – ответил я скромно. – Человеку незнатного происхождения нет других путей выбиться наверх, кроме

как много и усердно работать.

Он засмеялся, указал большим пальцем себе через плечо в сторону двух воинов сопровождения.

– Иначе на всю жизнь можно остаться вот такими, верно?

– Да, – ответил я. – Но я так не хочу.

– И потому, – сказал он с одобрением, – вы уже в посольстве, а это честь, обязанность и признание ваших заслуг.

– Заслуг еще нет, – ответил я застенчиво. – Просто очень сильно стараюсь. И это видят.

Он сказал с покровительственной ноткой:

– Можно жить, не стараясь, зато получая от нее мелкие удовольствия каждый день, а можно постараться, надрывая жилы, а потом получать уже большие удовольствия...

– Каждый выбирает свое, – согласился я.

Он посмотрел на меня с усмешкой.

– Уверен, вы не промахнетесь с выбором.

Лес впереди расступился, дорога весело выбежала на берег полноводной реки и пошла вдоль так, что мы с седел хорошо видим не только высокие волны, но даже изредка выпрыгивающих за мошками рыбешек.

Повозка бодро катится впереди, я не знаю, кто такой лорд Краутхаммер, но, думаю, он уже вовсю, не теряя времени, прощупывает глердов Эллиана и Баффи. А Финнегана, как сказал наш глава, он хорошо знает.

Даже напористее, чем меня этот капитан. Думаю, он тоже не просто офицер дворцовой стражи. Хотя, конечно, у меня

ранг крохотный, потому ко мне только самый общий интерес, и капитан, так сказать, всего лишь слегка подрабатывает на секретной службе его величества.

В какой-то момент капитан сказал бодро:

– А теперь прибавим!

Мы вдвоем пустили коней в галоп, оставив далеко позади повозку, и через несколько минут впереди расступились медленно и торжественно могучие деревья, открывая величественный вид на прекраснейший город, что высится на той стороне реки.

Наши кони, почуяв воду, прибавили шаг, а я заметил, с каким интересом посматривает на меня капитан, но прикидываться мне почти не пришлось, великолепный город в лучах двух солнц сияет, как корона, украшенная драгоценными камнями.

– Бесподобно, – сказал я с чувством. – Даже не представляю, как такую красоту создавали!

Он сказал гордо:

– Город строился двести лет. И, конечно, не будь у королей Уламрии полной власти, такого не построить, вы совершенно правы.

– Бесподобно, – повторил я. – Ой, только сейчас заметил... Просто дивный мост, но... его как раз сейчас строят?

Он напрягся, после паузы ответил с натугой:

– Да, строят... Он вообще-то был выстроен, однако недав-

но здесь был тяжелый бой с могущественными магами. Нашим доблестным войскам удалось их уничтожить, однако они успели обрушить часть моста с этой стороны... Остальное им не дали.

– Уничтожили? – спросил я.

– Да, – заверил он. – Мощь магов была ужасающей!.. Видите, что натворили?.. Ничего, все восстановим.

Из леса выехала повозка, рядом Фицрой с почетным конвоем, жестикулирует так живо, что явно что-то продает. Нас увидел, но подъезжать не стал, во всяком случае, двигался рядом с повозкой.

Та остановилась на берегу, дальше разрушенный мост, а вырытые взрывами ямы уже засыпали и даже притоптали.

Лорд Краутхаммер выбрался из повозки первым, мы с Фицроем поглядывали на него с интересом: до чего же похож на Мяффнера, однако крупнее, лицо более жесткое, несмотря на тестообразность, а одежда так и вовсе вся усыпана золотыми бляшками и драгоценными камешками.

Он скользнул по нам безразличным взглядом, из повозки с кряхтением выбрался Финнеган, за ним Эллиан и Баффи, что предпочли бы выскочить первыми и помочь главе посольства, если бы не нарушение этикета.

– Наша Страмбла, – сказал Краутхаммер с гордостью. – Самая крупная река в этих землях!.. Идет через земли шести королевств!..

Я сказал Фицрою тихонько:

– Видишь, какая короткая? То ли из-под земли выбивается уже рекою, то ли притоки не просто притоки, а реки...

Краутхаммер все же услышал, метнул на меня короткий взгляд и тут же сказал Финнегану:

– Нас увидели, вон лодку отправляют. Уже скоро сядем за стол, выпьем вина, вспомним нашу молодость...

– Лодку? – спросил Финнеган опасливо. – Не перевернется? А то я плавать... в одежде... не совсем чтобы...

Краутхаммер захохотал.

– Перевернется? Лодка королевской гвардии? Ну вы и шутник, мой друг! Или вы так стараетесь бросить тень на выучку наших воинов?

Он изо всех сил старался не замечать разрушенного моста, но тот смотрел обвалившимся пролетом, словно гигантская пасть с наполовину выбитыми зубами, нельзя было не замечать, но Финнеган, Эллиан и даже Баффи старательно отводили взоры.

Судя по лицу Краутхаммера, он благодарен за такую чуткость, всяк жаждет показывать иностранцам только победные достижения, а тут прямо по дороге...

С той стороны берега в самом деле отчалила большая лодка с дюжиной гребцов в цветах королевской гвардии.

Лорд Краутхаммер сказал бодро:

– Как раз шестеро поместитесь с легкостью, а коней ваших перевезут отдельно.

– На плотях? – спросил Баффи.

– На плоту, – уточнил Краутхаммер и добавил на всякий случай, но мы все поняли, что это за случай: – Его величество король велел срочно изготовить большое количество плотов, чтоб каждый мог перевезти на этот берег не меньше двадцати человек в полном во-оружении.

– Благоразумно, – ответил Баффи. – Значит, все наши кони переправятся на одном плоту? Это хорошо, они не любят разлучаться.

Лорд Краутхаммер понял или не понял желание нижнедолинца уточнить грузоподъемность каждого плота в отдельности, но ответил достаточно уверенно, хотя я уловил нотку нерешительности:

– Да, конечно. Я вас понимаю! Кто коней не любит?

Финнеган, как мне показалось, тоже понял как вопрос Баффи, так и задержку с ответом у лорда Краутхаммера, а это симптоматично и говорит о многом.

Даже капитан Тревор не просто мелкий военачальник, посланный встретить нас и проводить в столицу, но и далеко протянувшееся щупальце секретной службы его величества, который возжелал начать прощупывание нас еще на дальних подступах к Ииссору.

Лодка не идет, а мчится, дюжие гребцы гонят ее наперерез волнам с азартом, словно соревнуются с кем-то, а вблизи берега всего лишь подняли весла, и она про-ехала днищем по песку, взобравшись на сушу чуть ли не на половину корпуса.

Двое выскочили через борта на разные стороны и, крепко ухватившись за борта, молча ждали.

Финнеган сказал бодро:

– Люблю полноводные реки!.. Это тоже дороги.

Краутхаммер хохотнул:

– Только более дешевые.

– И безопасные, – добавил Финнеган.

Краутхаммер подобрал полы и грузно переступил через борт, за ним последовал Финнеган, а Эллиан и Баффи поддерживали главу посольства с почтением, которое должно бы передаваться и уламрийцам, следом перелезли сами, а мы с Фицроем взобрались в лодку последними.

Лорд Краутхаммер кивнул остающимся на берегу всадникам эскорта, они быстро соскользнули на землю, ухватились за нос лодки и ее борта, с силой потащили обратно в реку, а там толкнули напоследок, вбежав по колени в реку, с такой силой, что некоторое время она промчалась, разрезая волны, по инерции, а потом гребцы опустили весла в воду, развернули умело, все разом табаня правыми и загребая левыми, и лодка пошла к берегу, где победно возвышается блистательный Ииссор.

Финнеган, похоже, здесь не бывал, всматривается очень внимательно, Эллиан и Баффи тоже вытянули шеи, только Фицрой смотрит так спокойно, что я в который раз подумал: а кто он? Просто умеет держаться невозмутимо или насмотрелся на города и покруче?

На этом берегу лодка не выползет брюхом на берег, уже видны на причале крепкие рабочие с закатанными рукавами, готовые ухватить лодку и держать крепко, пока пассажиры переберутся на дощатый помост.

Лодка еще двигалась, а вдали из городских врат показалась целая толпа богато одетых придворных. Мы поднялись один за другим на причал, придворные явно спешат навстречу, что-то не рассчитали со временем, либо им сообщили поздновато.

Краутхаммер дождался, когда приблизятся, сказал уверенным голосом благополучного во всем хозяина:

– Лорд Блэквайпер, счастлив представить посольство королевства Нижние Долины!.. Глерд Финнеган, перед вами сам лорд Фрекас Блэквайпер, глава королевского отдела по связям с нашими соседями и первый помощник его величества короля Антриаса!

Глерд Финнеган учтиво поклонился, как и лорд Блэквайпер, некоторое время рассматривали друг друга с предельной вежливостью, затем Блэквайпер произнес так мягко, что я ощутил, как глажу по спине толстую мохнатую кошку:

– Добро пожаловать в Ииссор. Сейчас для вас готовят комнаты, а пока доберемся, будет накрыт и стол.

Финнеган сказал польщенно:

– Мы еще не успели проголодаться!

– Стол не только для еды, – возразил Краутхаммер с мягким упреком. – А общение умных и цивилизованных людей

за кубком вина, а неспешные разговоры о вечных ценностях на веранде дворца, глядя на пылающий закат двух солнц?

Финнеган засмеялся, ухватил его под руку, и они пошли впереди всей группы, а я, стараясь не выделяться манерами, украдкой рассматривал Ииссор, что еще больше поразил размахом и величием приближающихся дворцов. Правда, вон там дальше вправо и слева окраины тонут в нищете и грязи, в Санпринге такого нет, но, с другой стороны, эти лачуги рассыплются, на их месте построят другие, что потом тоже исчезнут без следа, а вот эти величественные дворцы останутся на века.

– Кто помнит о лачугах? – пробормотал я. – Смотрим на версали, бергли-хаусы, сан-суси и прочие эдинбургги...

Фицрой услышал, повернул на ходу голову, глаза заблестели живейшим интересом.

– Какое-то заклятие?

– Да, – ответил я. – Пытаюсь понять, что приоритетнее.

– И как?

– Еще не понял, – признался я. – Я за величие...

Он спросил невинно:

– И его цену?

Я насторожился, повернулся к нему так резко, что едва не перекрутился в поясе, даже вроде бы защемил какие-то кишки.

– А ты откуда знаешь?

Он посмотрел на меня в изумлении.

– Так это же очевидно. И все над этим думали. Ну, не простолюдины, конечно, а мудрецы вроде меня. Ну, не совсем меня, а моего деда. Стоит ли строительство величественнейшего дворца невероятных усилий, сотен смертей, тысяч разоренных и умерших от голода?..

Я спросил осторожно:

– И к чему он пришел?

Он криво усмехнулся.

– Сказал, что все в зависимости от.

– От чего?

Он горько усмехнулся.

– А вот этого и не сказал.

Я сказал со вздохом:

– Город просто... даже не знаю. Люблю величественное. Пусть даже построено на крови... даже на большой крови. Но я вообще-то предпочитаю верить, что все это построено на одном энтузиазме, с песнями и ликованием. И никто себе даже пальчик не прищемил.

Наши радушные хозяева все-таки, как я заметил, прислушиваются, как и о чем говорим, как на что смотрим. Для того наверняка и провели пешком, пусть тут и недалеко, но можно бы и на повозке, если уж поскорее за пиршественный стол...

Глава 10

Финнегану отвели отдельную комнату, Эллиану и Баффи – одну большую на двоих, где три постели, большой стол и куча стульев у стен, а также огромный камин, а нам с Фицроем выделили нечто вроде наскоро убранного от мусора чулана, где две кровати с трудом поместились под стенами, проход между ними едва-едва.

Я поморщился, но Фицрой беспечно отмахнулся.

– Ерунда! Мы что, не ночевали вовсе в лесу?

– Там птички, – возразил я. – Чирикают.

– А тут женщины, – напомнил он. – Щебечут.

– Уже кого-то присмотрел?

Он негодуяще фыркнул.

– Что значит «присмотрел»? Уже и договорился. Так что храп твой слушать будет некому.

Я изумился:

– Когда ты успел? Почему я ничего не слышал?

– А язык взглядов? – поинтересовался он. Ты что, в самом деле его не знаешь? А условные знаки? А на какое ухо шляпа надвинута?.. Что, в самом деле?

– Я человек простой, – сказал я пристыженно, – из медвежьего угла, таких тонкостей мое образование не позволяет.

– Ха, – сказал он саркастически, – тогда бы... Ладно, вон уже зовут на ужин. Пойдем, здесь хорошо накормят.

– Откуда знаешь?

– Престиж, – напомнил он напыщенно. – Король должен выказывать величие во всем. А за столом величие виднее всего!

– Чего вдруг?

– А ты не понял?

– Не, – ответил я. – Я же человек простой...

– ...а еще из медвежьего угла, – подхватил он. – Надо бы как-то посмотреть на твой медвежий угол. В общем, пир будет еще тот. Обещаю, хоть я и не Антриас.

Дверь без стука распахнулась, на пороге возник Эллиан. Не глядя ни на меня, ни на Фицроя, объявил в пространство:

– Глерд Финнеган велит вам зайти немедленно к нему.

Я спросил испуганно:

– Что-то случилось?

Он посмотрел на меня надменно и ушел, оставив дверь открытой. Я оглянулся на Фицроя.

– Чего это он?

Фицрой пожал плечами.

– Зайдем, узнаем. Аппетит нам, думаю, не испортит.

– Нам ничто не испортит, – подтвердил я, но сердце екнуло. – А вот мы можем.

Эллиана в коридоре уже нет, словно он, едва скрылся из виду, сбросил важность и бежал во всю прыть, пока ему не испортили как аппетит, так и что-нибудь еще...

Финнеган оглянулся на стук двери, у него в комнате Баф-

фи и Эллиан, последний еще не успел сесть, Финнеган сказал нам властно:

– Раз уж мы все в посольстве, то должны вести себя соответственно. Первое – рот на замок. Никто из вас ничего не говорит. Говорю только я, а в исключительных случаях – глерды Эллиан и Баффи. Вам же двоим надлежит отвечать, что вы только слуги.

Фицрой пожал плечами, я ответил зло:

– Мы не слуги, вам это ясно.

– Но необходимость, – возразил Финнеган.

Я прервал:

– Простите, глерд, но не люблю, когда наезжают. И не надо мне тыкать в глаза своей знатностью рода, я повидал и более знатных, если вы еще не поняли.

Он повысил голос:

– Глерд!.. Я забочусь об интересах королевства. Лишнее слово может обрушить все. Мы прибыли для того только, чтобы передать королю Антриасу желание королевы уладить дело миром!

Я заметил зло:

– Для этого достаточно было отправить простого гонца на быстром коне...

Финнеган охнул, замолчал, не находя слов, а Эллиан сказал, морщась так, будто хлебнул вместо сладкого вина старого уксуса:

– Глерд, вам лучше молчать, когда не понимаете. Для ко-

роля было бы оскорбительно получить письмо, переданное простым посыльным. Такое должны делать наиболее уважаемые люди. Наиболее, если вы еще не поняли!

Баффи вздохнул, сказал с укоризной:

– Глерд... я не знаю, зачем ее величество прикрепили вас к посольству, но мне кажется, королева сделала ошибку.

Финнеган посмотрел на одного, на второго, вперил в меня злой взгляд.

– Глерд Юджин!.. Покиньте эту комнату и займитесь чем-нибудь попроще. Если вы что-то умеете. Но я запрещаю вам общаться с придворными и даже слугами в этом дворце!

– Мудро, – сказал Эллиан, он старался, чтобы это звучало как констатация, но подхалимаж вылез, как свиная шкура из-под позолоты. – И очень своевременно.

Я отступил на шаг, отвесил холодный поклон.

– Хорошо. Но я сообщу королеве, что вы, вместо того чтобы сделать все для предотвращения войны, просто передали ее письмо, а потом только пировали и развлекались. Будьте здоровы.

Я повернулся, кивнул все еще пребывающему в ступоре Фицрою и пошел к двери быстрыми шагами.

Когда уже взялся за дерную ручку, услышал за спиной злой голос Финнегана:

– Вернитесь и сядьте!

Я дернулся, правильное было бы в самом деле вернуться, но злость бурлит, меня унизили, я ответил резко:

– А не опоздали вы с приглашением сесть, высоко-чтимый глерд?

И вышел, хлопнув дверью, только в коридоре сообразил, что это я сам что-то занесся или меня занесло, как говорят, когда хотят чуточку оправдаться, дескать, это не я лично, а меня... сам я как бы не виноват вовсе. Ладно, возвращаться тем более глупо.

Фицрой вышел следом, сказал обвиняющее:

– Ты мне чуть нос не прищемил!.. Взбесился, что ли? Старики, чего с них возьмешь.

– Эллиан и Баффи не старики, – возразил я. – Ладно, пошли отсюда.

Он придержал меня за рукав.

– Не туда. Пойдем сразу в зал, где готовится пир.

– Сядем первыми, – предложил я, – и все пожрем?

Он захохотал.

– Все не пожрем...

– Так понадкусываем, – сказал я твердо. – Противнику нужно наносить ущерб везде, особенно в экономике.

В зал не пустили, там только накрывают столы, а то в самом деле понадкусываем, это в Уламрии люди как люди, а везде дикари какие-то, зато мы, побродив по соседним залам, смогли еще точнее оценить уровень могущества короля Антриаса.

И снова я с неохотой ощутил странную правоту этого свирепого короля. Да, постройка такого дивного дворца обо-

шла в ограбление половины населения, а все украшения и богатства, свезенные в залы и размещенные где в нишах, где на стенах, а где и прямо на колоннах – потрясают воображение изяществом, выдумкой и мастерством исполнения.

В королевстве Нижних Долин, я бы сказал, демократия, то есть у всех есть права, в которые не позволено лезть даже королеве. Потому и глерды в своих высоких замках чувствуют себя мелкими королями, и старосты в деревнях, и даже крестьяне, потому что твердо знают: старосту как выбрали, так и снимут, у благородных глердов тоже связаны руки обычаями и законами, и даже королева не может распоряжаться в королевстве, как в своем огороде, потому что огород этот общий и у всех есть на него права.

Все великие произведения искусства, напомнил я себе, создавались именно в эпохи жестокого единовластия и подавления свобод. Если для расцвета искусств и науки так уж важна железная хватка короля на горле демократии... то я в затруднении. Все-таки я демократ до мозга костей, как бы ни ржал над вывихами демократии, но когда вот такое зияющее противоречие, то даже не знаю, что выбрал бы...

Хотя, конечно, знаю. Если я простолюдин, то я за демократию, а если знатный глерд, даже очень знатный, то я, естественно, за расцвет искусства и науки, непонятных тупому простолюдинству, хотя среди них, говорят, тоже попадают люди, но редко, настолько редко, что в государственных интересах этой ничтожной величиной можно пренебречь.

Лес рубят... и так далее. А лес рубить нужно!.

Фицрой ткнул меня в бок.

– Что ходишь, как сыч?.. Тут такие женщины...

Я вздохнул.

– Кто о чем.

– А ты о чем? – спросил он заинтересованно. – Что-то еще интересное?

– Я из медвежьего угла, – напомнил я. – Мне здесь все интересно и волнительно. Я потрясен и вздрогнут!.. Такая красотища!.. Хотя да, я согласен с тобой, главное – человек.

Он посмотрел с подозрением.

– Как-то не так говоришь.

– В чем?

– Выражение не то.

– Слишком честное? – спросил я. – Да, я такой. Главное – человек!.. Все так говорят, потому что так говорить принято в правильном и скучном обществе. Главное – человек! Хотя мы все знаем, что это не совсем так, а даже совсем не так...

– Смотря какой человек? – спросил Фицрой.

– И кто он за, – уточнил я. – Как бы вот. Ты посмотри вон туда, ну разве не прекрасно...

Он посмотрел, облизнулся.

– Ты прав. Особенно вон та, с вот такими... Пойдем! А то сам пойду и тебе сосватаю. Обоих.

– Ни за что, – сказал я решительно. – Иди-иди. А я намерен умереть девственником. Вообще-то я указывал на статуи

вон тех странных зверей...

Он переспросил:

– Странных? Что в геглогах странного?

– Да позы какие-то, – ответил я поспешно. – Надо бы поестественнее.

– У геральдики свои законы, – ответил он и, дотащив меня к намеченным женщинам, сказал бодро: – Леди, это мой лучший друг, но он такой застенчивый, что если не схватите его крепко, тут же убежит от несвойственной мне робости...

Женщины посмотрели на него с интересом.

– О, – сказала одна, – тогда я лучше схвачу вас, хорошо?

– И я, – проворковала другая, – тоже схвачу... так схвачу.

Я пробормотал с облегчением:

– Ну вот, Фицрой, доигрался. Так тебе и надо. А я пошел, пошел, отвергнутый и печальный.

Одна из женщин сказала весело:

– Мы вас не отвергаем.

– Нет, – сказал я твердо, – я поэт, а нам, поэтам, нужно быть отвергнутыми, чтобы рождались божественные строки, рожденные скорбью и талантом нежно ранимого сердца. А поэзия, она тоже, знаете ли, женщина, и ревнива...

Не слушая, что скажут, женщин никому переговорить еще не удавалось, я поклонился и пошел рассеянно и печально, поэт все-таки, на всякий случай взор поднял, чтобы не замечать людей, а любоваться красотой залов.

Прикидываться не приходится, король Антриас в самом

деле меценат, архитекторов и художников собрал. Думаю, не только со всей Уламрии, но из соседних королевств тоже понаехали всякие гении, прослышав о щедрой плате.

Придворные на меня поглядывают с любопытством, я не особенно нижнедолинец, но в то же время видно, что и не уламриец, а такое замечательно и привлекает внимание.

За все время увидел только одно знакомое лицо, лорд Краутхаммер идет собранный и деловой, сопровождает его некто из лордов помельче, даже не лорд, а так, лордик, но все же из благородных, лорд такого уровня, как Краутхаммер не может позволить себе держать в помощниках простолюдина, а это помощник, а не спец. Я теперь такие вещи замечаю, сам почти спец, а то и спец, расту не по дням...

Краутхаммер, оказывается, все видит и замечает, хотя я остановился, он скользнул по мне взглядом, коротко улыбнулся и, резко изменив траекторию движения, подошел, уставился в меня очень живыми глазами из-под толстых набрякших век.

– Глерд Юджин?..

– Да, – ответил я настороженно и уже пугливо, есть чего пугаться в этом королевстве, – да, ваше лордство...

– Капитан Тревор, – сказал он доброжелательнейшим голосом, – обронил о вас пару лестных слов, а я, сами понимаете, по своей должности просто не могу быть слабо заинтересованным... или незаинтересованным... Дженкинз, вы иди-

те, я вам уже рассказал подробно, что делать и как делать.

Его помощник поклонился, мазнув по мне недружелюбным взглядом, отступил, а Краутхаммер взял меня под локоть и настойчиво повел через зал, потом еще через зальчик поуже, следом совсем узкий коридор и, собственноручно открыв дверь просторного кабинета, завел меня вовнутрь.

— Здесь я иногда отдыхаю, — сообщил он. — Но иногда работаю. Когда как.

Я огляделся, сказал вежливо:

— Здесь уютно.

В кабинете в самом деле уютно, мебели минимум, а та, что есть, диван, стол и полдюжины кресел с мягкими сиденьями, располагает к расслабленной мирной беседе.

— Вон там на полке, — сказал он, — кувшин с великолепным вином из Опалоссы!.. Достаньте пару кубков, а я пока сяду, что-то уставать начал часто.

Я достал кувшин и кубки, налил ему и себе. Он наблюдал за мной из-под приспущенных век, а когда я остановился и взглянул с вопросом в глазах, он махнул рукой.

— Поставьте на стол и садитесь, юноша.

Я послушался, весь из себя скромность и внимание, поклонился и не сел, а присел на самый кончик стула, всем смиренным видом показывая, что безмерно ценю такое расположение и моментально вскочу, как только, так сразу.

— Мы знаем практически всех членов посольства, — обронил он. — Кроме вас. Вы человек новый.

Я скромно поклонился.

– И еще глерд Фицрой.

Он небрежно отмахнулся.

– Капитан Тревор сообщил, что ваш друг просто... ваш друг. Он в посольстве роли никакой не играет, верно? Да вы пейте, не стесняйтесь! Вино в самом деле прекрасное.

Он сделал большой глоток из своего кубка, довольно вздохнул и некоторое время сидел с полузакрытыми глазами. Я пил мелкими глотками, я же сам мелкий, так положено, а он наконец открыл глаза, я тут же сказал скромно:

– Я тоже пока не играю никакой роли. Для меня великая честь быть допущенным в такие верха. Видимо, я очень много учился, много работал... вот меня и заметили.

Он коротко усмехнулся.

– Да-да, это знакомо. Взобравшись наверх, знатные глерды тут же подбирают толковых подчиненных, чтобы делали всю работу. А награды будут получать начальники.

– Они заслужили своей долгой работой, – ответил я лицемерно. – Когда-то дослужусь и я.

Он улыбнулся благонамеренным речам, сделал еще глоток, уже неспешно и со вкусом.

– Капитан Тревор поведал мне о вашей рассудительности и зрелом взгляде на вещи. Это похвально! Знали бы вы, среди каких родовитых глупцов приходится вращаться при дворе!..

– Ох, – сказал я испуганно, – только не переоценивайте

меня.

Он улыбнулся, не спуская с меня испытующего взгляда, я скромно опустил глазки.

– Переоценивать опасно, – произнес он, – недо-оценивать чревато... Чревато в том, что потеря хороших работников – это не просто экономические потери. Это вообще потери... самые разные. Вам ведь не хотелось бы затеряться в мире знатных и навсегда остаться на вторых, а то и третьих ролях?

Я ответил смиренно:

– Я уже вознесен высоко. Я не тружусь в каменоломне, а помогаю знатым глердам в их работе. Я счастлив.

Его улыбка стала шире, а в глазах появился тот огонек, что яснее ясного говорит: бреши-бреши, но меня не обманешь, я всего повидал и таких оборотов вижу насквозь.

– Глерд Юджин, – произнес он с сочувствием, – вы молоды и наверняка жаждете славы. Так ведь?

Я ответил остороженько:

– Старшие решают, когда что заслужил. Им виднее.

– Да, – согласился он, – мудрый ответ. Но вы сами догадываетесь, в таком тихом болоте, как королевство Нижних Долин, ну что можно совершить такого, чтобы вас заметили?

Я пробормотал:

– Знаете ли, мне это часто приходило на ум.

– Вот-вот, – сказал он уже бодрее, – это таскать крестьянок на сеновал да гоняться по лесам за оленем, пока не придет старость. И вся жизнь пройдет как один день! И вспом-

нить будет нечего. Кроме разве что вот такого прекрасного вина! И этого разговора.

– Увы, – ответил я со вздохом, – все так живут.

– Но вы можете жить иначе! – воскликнул он.

Я посмотрел с испугом и надеждой.

– Но... как?

– Взгляните на меня! – сказал он. – Я родился в таком захолустье, что вспомнить страшно. Мои родители считались благородными лордами, но по бедности жили как и крестьяне на их землях. Да и крестьян тех было всего две деревушки. Я когда увидел Ииссор, ошалел так, что неделю не мог закрыть рот.

– Я тоже ошалел, – признался я. – Даже после Санпринга впечатляет. Хотя Санпринг – не просто город, а столица королевства.

– О чем и говорю, – сказал он с жаром. – Сейчас я один из советников короля, у меня два дома в городе и огромное имение в пригороде. Я богат, уважаем и, что главное для мужчины, у меня огромные возможности влияния!

Глава 11

Я вздохнул, стараясь, чтобы мои зависть и восхищение сплелись в единый клубок и выглядели предельно естественно. Он взглядом указал мне на кубок, я допил, его полон до половины, так что я долил только себе.

Он все еще ждал, я сказал потерянно:

– Вам повезло... Да что там повезло, это ваши ум и настойчивость принесли вам эти успехи!.. Вы пример, лорд Краутхаммер, как нужно жить в этом мире.

Он польщенно улыбнулся.

– Ваши слова говорят о том, что понимаете суть... Мне кажется, такому, как вы, молодому и амбициозному молодому человеку должно быть тесно в крохотном мирке королевства Нижних Долин... и что вам просто необходим дальнейший рост!

– Да, – сказал я с жаром, – я всегда считал, что для расцвета королевств нужны свободный обмен людьми между королевствами, беспопышная торговля, перемещение ремесленников в те регионы, где лучше условия для работы!

В его лице что-то дрогнуло, взгляд изменился, но уже через мгновение он рассмеялся, хотя, как мне показалось, точку натянуто.

– Вы даже более амбициозны, чем я полагал!.. Это хорошо. Тогда я сразу скажу то, что собирался после разных ди-

пломатических плясок, недоговариваний и намеков.

Я ответил настороженно:

– Слушаю со всем вниманием.

Он чуть понизил голос:

– Ваша карьера может быть даже более быстрой и успешной, чем у большинства здешних знатных отпрысков.

Я взглянул несколько испуганно.

– Это... как?

Он сказал еще тише:

– Вы уже догадались. Хоть вы и на нижней ступени в посольстве, но это даже хорошо. Вы неприметны, однако знаете многое. Нам потребуется знать о планах королевы, о членах ее Тайного Совета, их настроениях, кто чего добивается... В общем, нам для процветания просвещенного и свободного мира жизненно важно знать, что замышляют в соседних, менее развитых королевствах. Это, кстати, важно и для королевства Нижних Долин!

Я сделал большие глаза.

– Правда? Как?

Он снисходительно улыбнулся.

– Все королевства отгораживаются друг от друга пошлинами, да что там королевства, даже глердства!.. А это, как вы правильно сказали, тормозит развитие общества.

Я проговорил с неуверенностью:

– Но... король Антриас... гм...

Он сказал быстро:

– Знаю, что хотите сказать. Стараются подмять под себя соседние королевства? Но, скажите честно, есть ли другой способ навязать другим королям открытие границ для свободной торговли и перемещения ремесленников туда, где им работать выгоднее?.. Это удастся только в рамках одного королевства!.. Потому нужно, чтобы это королевство стало как можно более огромным. И тогда все увидят преимущества жизни в таком бесконечном, открытом мире!

Я пробормотал:

– Вообще-то да... других путей не вижу.

– Их нет, – подчеркнул он.

– Никто, – сказал я с печалью в голосе, – не хочет поступиться добровольно хотя бы малостью для общего блага.

– Никто, – подтвердил он. – Для того и нужен король, чтобы мог отнять силой и дать обществу... например, тот же мост через Страмблу, великолепные дороги из камня, которые никогда не размоют дожди... Только сильная власть может создавать величие королевства, которое лучше всего оценивают только потомки!

– Да, – пробормотал я, – строителям моста приходится наверняка несладко. Зато потом все будут счастливы. Даже те, кто его проклинал.

Он сказал все тем же голосом, почти небрежно:

– Вы умны, глёрд Юджин, и понимаете, что нужно вам и всему миру. К счастью, это совпадает. Потому для вас не будет большой неожиданностью мое предложение сотру-

ничать на благо мира и прогресса. Это не бесплатно, вы будете получать щедрую плату. От нас. Она втрое превысит вашу, а кроме того, вас ожидает вознаграждение за особо ценные сведения. Король Антриас щедр, когда дело касается интересов королевства!

Я сказал в затруднении:

– Королевства Уламрии...

Он сказал быстро:

– Понимаю ваше затруднение. Но так уж получилось, что именно Уламрия нащупала более верный путь. Что важнее, процветание общества или отдельных людей?

– Да, – ответил я дрогнувшим голосом, – короли обязаны совершать великое...

Он воскликнул:

– Именно! Нельзя просто жить и поживать. Нужно творить!

Я сказал осторожно:

– Только вот я знаю мало, вы это прозорливо заметили сразу... Да, королеве уже сообщили о скором вторжении армии Антриаса... простите, его величества короля Антриаса, потому она спешно принимает меры.

Он как-то весь подобрался, хотя не сдвинулся с места, но теперь выглядит как огромный массивный барс, готовый к прыжку, у которого под обманчиво толстой и мягкой шкурой стальные мышцы.

– Какие?

— Часть мер, — ответил я, — можно отнести к долговременным, это укрепление крепостей и замков на границах, что делалось в королевстве уже давно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.